БЕСѢДЫ

О

ВОЕННЫХЪ ЗАКОНАХЪ

ПЕТРА I ВЕЛИКАГО.

I. Характеристика военныхъ законовъ въ русскомъ войскѣ въ XVII ст.
II. Содержаніе и духъ военныхъ законовъ Петра I.
III. Преступленія противъ воинской дисциплины.

Генералъ-лейтенанта П. О. Бобровскаго.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Департамента Удѣловъ. Моховая, № 40.
1890.

БЕСѢДЫ

о

ВОЕННЫХЪ ЗАКОНАХЪ

ПЕТРА I ВЕЛИКАГО.

I. Характеристика военныхъ законовъ въ русскомъ войскѣ въ XVII ст.

II. Содержаніе и духъ военныхъ законовъ Петра I.

III. Преступленія противъ воинской дисциплины.

Генералъ-лейтенанта **П. О. Бобровскаго.**

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Департамента Удѣловъ. Моховая, № 40.
1890.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 13-го января 1890 г.

Въ переходную эпоху военнаго искусства нельзя не замѣтить неизбѣжности перелома въ устройствѣ и содержаніи войскъ въ нашемъ отечествѣ за многіе десятки лѣтъ до начала Великой Сѣверной войны. Сначала разсмотримъ, въ какомъ были состояніи и какими руководствовались законами русское войско и общество въ концѣ XVII столѣтія.

I

Вліяніе культурныхъ государствъ Европы на Россію, возрастая съ конца XV столѣтія, мало по малу вносило въ бытъ постоянныхъ и временныхъ войскъ *новыя начала*. Мы могли бы представить въ паралели рядъ событій въ доказательство того, какъ вліяніе западно-европейской культуры съ конца XVI столѣтія расшатывало старинную организацію русскихъ войскъ, особенно помѣстной конницы, и вызывало потребность къ устройству пѣхоты по инымъ иноземнымъ образцамъ. Русскіе цари, начиная съ Іоанна III, охотно пользуются услугами иноземныхъ мастеровъ и офицеровъ. Въ смутную эпоху на царскую службу призываются цѣлые отряды иноземцевъ ратнаго строя, а съ воцареніемъ дома Романовыхъ возникаютъ полки пѣхоты и конницы, устроенные и вооруженные по образцу иноземцевъ, таковы: солдатскіе, рейтарскіе и драгунскіе полки. Знаменитый полководецъ М. В. Скопинъ-Шуйскій, благодаря своему наставнику, шведскому генералу де-ля-Гарди, знакомитъ своихъ ратниковъ съ

послѣдними усовершенствованіями въ военномъ дѣлѣ. Въ началѣ XVII столѣтія въ русскомъ войскѣ имѣлись новые военные законы, и такъ называемый «уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ» ознакомилъ русскихъ военныхъ людей съ нѣмецкими военно-уголовными законами въ главѣ: статейная роспись пушкарская. Этотъ уставъ въ сущности содержитъ въ себѣ сначала общую организацію войскъ съ ихъ высшими начальниками, затѣмъ даетъ правила объ артилерійскомъ дѣлѣ во всѣхъ его мельчайшихъ подробностяхъ, особенно же о пороховомъ дѣлѣ и потѣшныхъ огняхъ (1). Являвшіяся на службу къ намъ иностранцы были знакомы съ понятіемъ о правосудіи для поддержанія порядка, чинопочитанія и повиновенія ратныхъ людей съ цѣлью поддержанія дисциплины.

Шведская армія, подъ предводительствомъ своего геніальнаго полководца и одного изъ наиболѣе гуманныхъ королей—Густава Адольфа, удивила современниковъ внутреннимъ порядкомъ и замѣчательною дисциплиною. Со времени изобрѣтенія пороха ни одна армія въ Европѣ не обнаружила еще такихъ высокихъ нравственныхъ качествъ, и ни одинъ полководецъ не обнаружилъ столь высокихъ военныхъ талантовъ, какими ознаменовались походы Густава Адольфа. Ошибочно думаютъ, что дисциплина въ шведской арміи поддерживалась исключительно жестокими наказаніями; напротивъ, военно-уголовные законы Густава Адольфа или его «Военный Артикулъ» (Artickels Brief) и его «Уставъ для верхняго и генеральнаго военныхъ судовъ» (General und Ober-Gerichts-Ordnung) превосходятъ всѣ современные подобные же законы (французскіе, нѣмецкіе и англійскіе) правомѣрностью наказаній и гуманностью. Историкъ Ксенофонтъ, философъ Сенека и юристъ Гуго-Гроцій были любимыми писателями Густава Адольфа. Блестящіе успѣхи шведовъ надъ превосходными силами римскаго (нѣмецкаго) императора и католической лиги протестантскіе вожди приписывали, не безъ основанія, ихъ военнымъ учрежденіямъ и законамъ. Явились подражанія, особенно у протестантскихъ государей, но копіи очень часто бываютъ ниже оригиналовъ. Не смотря на буквальный переводъ шведскихъ военныхъ артикуловъ и шведскаго устава о военномъ судѣ, общій

---

(1) Еще ранѣе, едва-ли не при Борисѣ Годуновѣ, переведена была на русскій языкъ книга *Леонгарда Фронспергера*, издателя сборника имперскихъ военныхъ законовъ XVI: «Kriegsbuch, Frackfurt am Mayn 1575; у насъ она названа «Воинской книгой». Рукописи этой, кажется, не сохранилось. Уставъ ратныхъ, пушечныхъ и другихъ дѣлъ былъ начатъ составленіемъ въ 1607 году, но оконченъ только въ 1621 году. Всѣхъ статей 663, каждая статья имѣетъ форму указа. Рукопись, найденная можно сказать случайно, напечатана при Екатеринѣ II.

духъ шведскаго военнаго законодательства не только не былъ понятъ, но даже извращенъ вліяніемъ нѣмецкаго уголовнаго уложенія (такъ называемой Каролины) и французскихъ военныхъ ордонансовъ, съ ихъ тайнымъ инквизиторскимъ (слѣдственнымъ) процесомъ. Онъ былъ извращенъ въ позднѣйшей редакціи у самихъ шведовъ, при Карлѣ XI, подъ вліяніемъ военныхъ ордонансовъ Людовика XIV и не менѣе жестокой и мстительной Каролины.

Въ половинѣ XVII столѣтія для русскихъ войскъ иноземнаго или «нѣмецкаго» строя былъ напечатанъ «Уставъ ратнаго строя пѣхотныхъ людей Московскаго Государства» (Москва, изд. 1647), годомъ ранѣе «Соборнаго Уложенія царя Алексѣя Михайловича». Но этотъ военный уставъ составлялъ не болѣе какъ переводъ устарѣлыхъ уже и почти выходившихъ изъ практики нѣмецкихъ имперскихъ законовъ, собранныхъ въ книгахъ Вальгаузена. Въ немъ сохранены русскія названія въ наименованіи чиновъ и разныхъ терминовъ. Караульная служба названа сторожевою; рундъ—обходомъ; часовые—сторóжами.

Потребность переустройства вооруженныхъ силъ въ Россіи сознавалась еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Къ нему намѣренъ былъ приступить и царь Θеодоръ Алексѣевичъ: съ этою именно цѣлью въ концѣ 1681 года созванъ былъ соборъ начальныхъ людей и иноземныхъ полковниковъ; но соборъ не пошелъ далѣе уничтоженія мѣстничества, не смотря на то, что нужду въ переустройствѣ войскъ чувствовали и поклонники одряхлѣвшей московской дружины, и сторонники западно-европейскихъ порядковъ.

Первые не довѣряли иноземцамъ («нѣмцамъ»), считали ихъ насадителями внутренней смуты въ государствѣ, и потому опасались заимствованій съ запада, серьезно ожидая бѣдствій, если правительство станетъ покровительствовать иноземцамъ и вводить улучшенія въ войскѣ и администраціи по ихъ образцамъ: «яко изъ сея причины учиниться еще нѣкогда мятежъ, измѣна и кровное проливаніе». Они думали (какъ училъ тому сербъ Крижаничъ, псевдонимъ Явканица), достигнуть улучшеній въ русскомъ войскѣ, не ломая стараго, не вводя нѣмецкаго строя и вооруженія, и даже полагали поднять упавшій воинскій духъ и дисциплину посредствомъ изгнанія иноязычныхъ рѣчей въ ратномъ дѣлѣ. Нашу дворянскую конницу предлагали преобразовать по образцу шляхетско-польской. Имъ не нравились ни нѣмецкіе карасиры, ни даже шведскіе драгуны.

Напротивъ, послѣдователи новаго направленія не видѣли спасенія въ старинѣ, не ожидали успѣха въ ратномъ дѣлѣ] отъ помѣст-

*

ныхъ и на-скоро собираемыхъ ополченій, отъ буйныхъ и строптивыхъ стрѣльцовъ, слишкомъ дорого стоившихъ государству, и предлагали устроить военныя силы сходно съ образцами западно-европейскихъ государствъ.

Далеко расходились въ своихъ взглядахъ на войско защитники старины и сторонники новыхъ идей. Военный расколъ, усиливаясь съ половины XVII столѣтія все болѣе и болѣе, достигъ кульминаціоннаго пункта въ крымскихъ походахъ и въ войнѣ съ турками, когда неудачи и общее разстройство войскъ постоянныхъ и временныхъ подорвали въ основѣ авторитетъ людей, глубоко скорбѣвшихъ объ упраздненіи мѣстничества.

Бросимъ бѣглый взглядъ на состояніе русскаго общества въ концѣ XVII столѣтія.

Помѣстная система видимо слабѣла и разстраивалась, воинскій характеръ помѣстныхъ служилыхъ утрачивался, служилые стали заниматься хозяйствомъ, заботиться о закрѣпощеніи работниковъ и сельскомъ привольномъ покоѣ; послѣ покойной и праздной жизни въ помѣстьи и вотчинѣ, ратная служба, когда приходило время, становилась тяжелою, обременительною, разорительною. Въ походахъ неимовѣрно возрастало число «нѣтчиковъ», или лицъ, уклонявшихся отъ воинской службы подъ разными предлогами. Только кое-кѣмъ изъ *новыхъ* людей, приближенныхъ къ царю, сознавалась несостоятельность русскаго военнаго строя, распущенность дисциплины въ ратяхъ, самоуправство сотенныхъ головъ и полковниковъ стрѣлецкихъ войскъ. Солдаты и драгуны, какъ и стрѣльцы, жили нерѣдко отдѣльными слободами; приказами управляли потомки царской дружины—бояре, окольничіе и думные люди, а между тѣмъ измѣнилось отношеніе бывшей дружины къ царю. Судьи и воеводы продолжали кормиться отъ дѣлъ, полковники и сотенные головы, не стѣсняясь угрозами царской опалы и немилости, чинили «налоги» и «обиды», нерѣдко возбуждавшія стрѣльцовъ и солдатъ русскихъ полковъ иноземнаго строя. Мятежи, свойственные наемникамъ западно-европейскихъ армій въ XVI и въ началѣ XVII ст., стали появляться въ русскихъ полкахъ, коими командовали иностранные полковники и офицеры. Русское общество сверху до низу представляется разшатаннымъ отъ насилія и самоуправства судей и воеводъ.

Церковь съ трудомъ боролась съ предразсудками и суевѣріемъ. Христіанскія понятія продолжали по прежнему сталкиваться съ суевѣрными обрядами и обычаями, остатками язычества. Старинные дѣльцы судебныхъ поединковъ—ворожеи и чародѣи—находили обильную

почву для своей темной дѣятельности: даже въ царскомъ дворѣ вѣрили въ чарующую силу нашептыванія, заговариванія, поимки слѣда. Вѣдунамъ и чародѣямъ щедро платили. Наговариваніе на громовую стрѣлу, на медвѣжій ноготь, колдовство на слѣдъ, употребленіе приворотнаго корня («обратима») продолжали кормить волхвователей, съ которыми знались и въ царскихъ чертогахъ, и въ палатахъ боярскихъ, и въ бѣдной хижинѣ простаго посадскаго человѣка или стрѣльца.

Хорошо извѣстна исторія съ *волшебнымъ перстнемъ* знаменитаго дьяка Грамотина, который будто хранился у боярина Ильи Милославскаго, до брака царя Алексѣя Михайловича на его дочери. И за бояриномъ присматривалъ приставъ. Царскій родственникъ, бояринъ Семенъ Стрѣшневъ, обвиненъ былъ въ *волшебствѣ*, и это обвиненіе не прошло ему даромъ: у него отняли боярство и сослали въ Воронежъ. Въ волшебствѣ же обвинили и знаменитаго поклонника нововведеній боярина Матвѣева, чтобъ помѣшать браку царя Алексѣя на его воспитанницѣ Нарышкиной, матери Петра I. По оговору въ *порчѣ* въ Тотьмѣ сожжена была публично женщина Ѳедосья. Людей, *содержимыхъ нечистыми духами*, привозили въ Шую къ чудотворному образу Смоленской Богородицы: «страждущіе въ молебное время метаются всякими различными козндѣйствами и кличутъ на уѣздныхъ людей, что ихъ портятъ». И оговоренныхъ чиновниковъ, случалось, предавали лютой казни. Въ народѣ не переводились бѣсовскія пѣсни, соблазнительныя игры, нашептыванія. На свадьбахъ присутствовали *знахари*, умѣвшіе отвращать всякое зло.

«Соборное уложеніе», развивъ и закрѣпивъ правоопредѣленія старыхъ русскихъ законовъ, начиная отъ «Русской Правды» Ярослава I, и позаимствовавъ кое-что изъ Литовскаго статута и византійскихъ градскихъ законовъ,—не пошло далѣе устарѣлыхъ формъ общественнаго строя; оно такъ же было суевѣрнымъ, какъ и само общество; оно съ жестокою суровостью относилось къ разнаго рода общимъ преступленіямъ, было снисходительнымъ до слабости къ преступленіямъ по службѣ и почти не знало воинскихъ преступленій. Поэтому оно не могло имѣть воспитательнаго значенія и по своему духу не имѣло силы для того, чтобы вступить въ борьбу съ предразсудками и грубыми обычаями вѣка. Въ уложеніи личность человѣка укрывается за званіемъ и чиномъ; оно не умѣло отдѣлить достоинства лица, какъ человѣка, отъ званія, которое онъ носилъ, и отъ положенія, которое онъ занималъ въ обществѣ; поэтому въ законахъ XVII столѣтія личное оскорбленіе, личная обида понимается не какъ

посягательство на нравственное благо лица, а какъ посягательство на физическую его природу или на матеріальное его достояніе. Въ этомъ смыслѣ понимается *безчестье*, какъ опредѣленное матеріальное вознагражденіе за обиду не только словомъ, въ нравственномъ смыслѣ, но и за насиліе, за увѣчье, за нанесеніе раны, за самую смерть. Каждой группѣ людей, оплачиваемыхъ извѣстною суммою денегъ за безчестье, въ государственной организаціи дана была извѣстная клѣтка, въ которой только и могли вращаться всѣ жизненные интересы людей (¹). Все общество уложеніе дѣлило на два сословія: гражданское и духовное, и каждое сословіе представляетъ какъ бы пирамиду, вершину которой въ одномъ сословіи составляли бояре, думные люди и окольничьи, въ другой — патріархъ, митрополиты и епископы; въ основаніи же каждой пирамиды видимъ крестьянъ или разнаго рода нижнихъ церковнослужителей. Безчестье крестьянина съ причиненіемъ ему увѣчья опредѣлялось въ 1 рубль. Безчестье въ понятіяхъ русскаго общества XVII стол. обнимало не одну только непосредственную личную обиду словомъ или дѣйствіемъ, безъ причиненія какого либо тѣлеснаго поврежденія или съ причиненіемъ раны, увѣчья и даже смерти, но также и всякаго рода насилія, драки, грабежи, захватъ чужой собственности. Но этого мало: искъ за безчестье по уложенію и новоуказнымъ статьямъ, охватывая самыя разнообразныя преступленія, составлялъ истинно общественную язву, развивалъ ябедничество въ судахъ и усложнялъ до крайности судопроизводство.

Казуистика уложенія, слѣдуя классификаціи безчестья по группамъ людей, усердно поощряла иски о безчестьи посредствомъ розыска, надѣляя истцовъ матеріальнымъ благомъ въ ущербъ благосостоянія отвѣтчиковъ. Судъ съ розыскнымъ процесомъ по уложенію въ сущности былъ продолженіемъ судебнаго поединка или поля, со всѣми его неправдами въ пользу людей богатыхъ и сильныхъ.

Общественный бытъ представляется замкнутымъ въ своихъ клѣткахъ, и какъ женщина вѣчно томилась въ теремѣ, такъ и служилый сынъ боярскій обязанъ былъ вѣчною службою, со всѣми своими домочадцами, со всѣми своими животами. Не смотря на нѣкоторыя прогресивныя стороны (отвѣтственность за личную обиду непристойнымъ

(¹) Уложеніе детально опредѣляетъ, какую сумму денегъ долженъ платить всякій за безчестье словомъ людей всякаго чина, начиная отъ боярина и оканчивая крестьяниномъ, или начиная отъ патріарха и кончая дьячками, пономарями и нижними служителями. За безчестье служилому, напримѣръ, платили окладъ его жалованья. За безчестье женскаго пола вообще платили двойное безчестье.

словомъ,—понятіе о публичной обидѣ), соборное уложеніе не могло идти по пути быстро развивавшихся новыхъ идей и ничего само не дало для огражденія права собственности гражданъ отъ насилія и произвола ратныхъ людей, призываемыхъ на царскую службу. Оно относилось довольно снисходительно къ уклоненіямъ отъ царской службы и не умѣло отличить побѣга отъ самовольной отлучки. Въ немъ не было даже и понятія о подчиненности и повиновеніи нижнихъ чиновъ своимъ офицерамъ и не видно никакихъ слѣдовъ понятія о дисциплинѣ.

Между тѣмъ въ государствахъ западной Европы, съ половины XVII столѣтія, вмѣстѣ съ развитіемъ монархическихъ началъ, при учрежденіи регулярныхъ войскъ выдвинулись новые элементы: усилилась центральная правительственная власть съ ея іерархіей въ государствѣ; произошла радикальная перемѣна въ системѣ налоговъ и многія натуральныя повинности обращены въ денежныя; возникли новыя центральныя военныя учрежденія и органы съ цѣлью усиленія контроля, порядка и единства въ управленіи войсками, а также для отправленія правосудія, при различныхъ условіяхъ военнаго быта; въ одеждѣ, вооруженіи и снаряженіи войскъ видно стремленіе къ однообразію, соотвѣтственно родамъ оружія,—отсюда беретъ начало объединеніе способовъ снабженія войскъ предметами довольствія изъ государственной казны и уменьшеніе расходовъ на передвиженіе войскъ; привлеченіе къ военной службѣ на неопредѣленные, довольно продолжительные сроки, преимущественно низшихъ классовъ народонаселенія, менѣе прихотливыхъ и болѣе способныхъ къ перенесенію тягостей войны, а это обстоятельство, въ связи съ упрощеніемъ снаряженія и довольствія, повело къ уменьшенію расходовъ на содержаніе частей войскъ; наконецъ, каждый воинъ, *какъ слуга отечества*, его защитникъ и охранитель, рядовой-ли солдатъ или офицеръ, какъ и начальникъ, получаетъ защиту въ законахъ отъ неправаго посягательства на его личность, на его честь и право искать удовлетворенія за обиду посредствомъ принесенія жалобы въ установленномъ порядкѣ подчиненности по начальству.

Всѣ эти обстоятельства и условія имѣли непосредственное вліяніе на развитіе вооруженныхъ силъ въ европейской монархіи и на чрезвычайно важные успѣхи въ военномъ искусствѣ, съ которыми всегда бываютъ непосредственно связаны усовершенствованія и въ образованіи войскъ.

Обращаясь къ нашей отечественной исторіи, мы видимъ неотступное вторженіе въ бытъ общественный новыхъ идей съ запада,

противъ напора которыхъ не могли устоять самые крѣпкіе приверженцы старины—бояре, столпы Московскаго государства, и особенно ихъ дѣти—молодые стольники, стряпчіе, жильцы и дворяне московскіе. Новые учителя—въ монашескихъ-ли рясахъ, или въ доспѣхахъ бранныхъ—незамѣтно, но дружно подготовляли русское общество къ нововведеніямъ. Оставляя въ сторонѣ распространеніе образованія кіевскими учеными монахами, переводившими на славянскій языкъ греческую библію, разные уставы и сборники, отмѣтимъ только важный фактъ, что учителями русскихъ людей были иноземные ратники,—притомъ они были учителями не одного ратнаго дѣла. Смуты въ Англіи и Франціи и прекращеніе запроса на наемниковъ, вслѣдствіе окончанія Тридцатилѣтней войны, толкали въ Московское государство цѣлыя толпы офицеровъ и солдатъ, охотно предлагавшихъ свои услуги московскому царю. Эти гости, эти наставники иноземщины заняли въ Москвѣ особую, знаменитую «Нѣмецкую слободу», просвѣтительная роль которой хорошо извѣстна изъ исторіи. Къ привольной, веселой жизни экономныхъ иноземныхъ семействъ все ближе и ближе присматривались молодые стольники, жильцы и дѣти боярскія. Иноземцы, приходившіе въ Москву искать счастья, привычные къ превратностямъ судьбы, много видѣвшіе и не мало знавшіе, на свои пирушки привлекали молодежь московской знати, занимая ее заманчивыми разсказами про житье-бытье заморское. Иноземцы, не стѣсняясь въ своихъ привычкахъ, умѣли скоро и легко примѣняться къ русскимъ обычаямъ и нравамъ.

«Однажды русскій капитанъ Спиридоновъ накрылъ своихъ солдатъ, которые ночью играли въ карты, и, по обычаю тогдашняго начальства, воспользовался этимъ случаемъ для добычи: забралъ себѣ не только деньги, которыя были въ игрѣ, но еще взялъ съ солдатъ 60 рублей, не давши знать объ этомъ Гордону, какъ непосредственному начальнику. Тотъ призвалъ Спиридонова къ себѣ и сдѣлалъ ему *строгій выговоръ* съ угрозою, что впередъ ему плохо будетъ. Капитанъ, не привыкшій къ такимъ нѣжнымъ внушеніямъ, началъ было горячиться; тогда Гордонъ употребилъ внушеніе другаго рода: схватилъ Спиридонова за голову, повалилъ на полъ и такъ отколотилъ дубиною, что несчастный едва могъ встать. Капитанъ пожаловался полковнику, но Гордонъ заперся, потому что свидѣтелей не было; капитанъ пожаловался боярину,—Гордонъ и тутъ заперся».

Какъ видно, Гордонъ хорошо усвоилъ себѣ теорію формальныхъ доказательствъ розыска или слѣдственнаго процеса по Уложенію.

Но Гордонъ пользовался слабостью русскихъ и въ другихъ отношеніяхъ.

Однажды хозяинъ дома вздумалъ выпроводить Гордона изъ занимаемой имъ квартиры. Челобитье его было уважено, но Гордонъ не обратилъ вниманія на письменныя приказанія полиціи. Явился подъячій съ 20-ю человѣками трубниковъ, большая часть которыхъ осталась внизу. Гордонъ потребовалъ указъ. Подъячій отказался, приказавъ трубникамъ забрать чемоданъ и вещи, а самъ беретъ полковыя знамена. «Гордонъ вскакиваетъ изъ-за стола и, съ помощью деньщика и двухъ офицеровъ, которые вмѣстѣ съ нимъ обѣдали, выгоняетъ подъячаго вонъ изъ комнаты и съ лѣстницы. Но подъячій соединяется съ остальными трубниками и снова идетъ наверхъ къ Гордону; тотъ съ товарищами, пользуясь выгодою своего положенія наверху, прогоняетъ ихъ тѣмъ легче, что трубники вооружены были палками. Между тѣмъ на шумъ прибѣжали солдаты и прогнали подъячаго съ трубниками».

По иностраннымъ законамъ (артикуламъ), въ случаѣ драки, за призывъ на помощь другихъ опредѣлялась смертная казнь. Но въ Москвѣ на продѣлку иноземца, не смотря на то, что побиты были солдатами полицейскіе чины и служители, вооруженные палками, не обратили даже и вниманія.

Драками и даже поединками нерѣдко оканчивались пирушки иноземцевъ Нѣмецкой слободы. Въ 1666 году Гордонъ поссорился съ маіоромъ Монгомери у себя на пирушкѣ, которую задалъ придворнымъ въ царскія именины, и имѣлъ съ нимъ поединокъ. По иностраннымъ военнымъ законамъ во второй половинѣ XVII столѣтія поединки и драки жестоко преслѣдовались въ войскахъ,—у насъ къ поединкамъ иностранцевъ между собою относились равнодушно, если не послѣдовало смертоубійства.

Начальникамъ солдатскихъ и драгунскихъ полковъ, большею частью иностранцамъ, также какъ и начальникамъ стрѣлецкихъ полковъ или приказовъ изъ центральныхъ управленій — Разряда, Иноземнаго или Стрѣлецкаго приказовъ, при назначеніяхъ давались *наказы*, т. е. нѣчто въ родѣ административныхъ инструкцій, съ опредѣленіемъ круга обязанностей и съ указаніемъ тѣхъ преступленій, за которыя подчиненные солдаты и стрѣльцы подлежали отвѣтственности или наказанію. Въ этихъ наказахъ говорилось—не дѣлать того или другаго, но что слѣдовало дѣлать за совершеніе подобныхъ дѣяній—въ наказахъ умалчивалось. Наказы давались и десятникамъ Нѣмецкой слободы въ такой же неопредѣленной формѣ. Въ поли-

цейскомъ наказѣ десятникамъ велѣно *наблюдать*, чтобы полковники, подполковники и начальные люди не допускали нижнихъ чиновъ къ *поединкамъ*, чтобы не учинялось *никакого смертнаго убійства и дракъ*, чтобы не торговали виномъ, пивомъ и табакомъ, не играли зернью и въ карты ([1]). Но эти предостереженія для иностранныхъ офицеровъ были мало дѣйствительными. По Уложенію поединокъ не наказуемъ, если не послѣдовало смерти, увѣчья, раны.

Самая административная форма наказовъ, надо полагать, вела ко многимъ практическимъ неудобствамъ. Въ нихъ мы не встрѣчаемъ указаній на воинскія преступленія въ тѣсномъ смыслѣ—*неповиновеніе, самовольныя отлучки, небрежное обращеніе съ оружіемъ* и т. д. Облеченные обширною, почти безконтрольною властью полковники, сотенные головы, капитаны—въ царствованіе Θеодора Алексѣевича злоупотребляли ею до крайности; челобитья стрѣльцовъ и солдатъ на «налоги» и «обиды» принимали все болѣе и болѣе угрожающій характеръ; въ выраженіи «обида» слѣдуетъ понимать (какъ понимало это и Соборное уложеніе) не столько личное оскорбленіе чести, сколько насиліе, вымогательство, взяточничество, вообще матеріальный ущербъ. Стрѣльцы, занимаясь торговлею и промыслами, дорожили своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ. Поэтому названныя злоупотребленія начальниковъ, оставаясь безъ удовлетворенія, вели къ волненіямъ. Бунты московскихъ стрѣльцовъ, съ одной стороны, доказываютъ полную ихъ разнузданность, распущенность, отсутствіе дисциплины, съ другой — злоупотребленіе властью начальниковъ: стрѣлецкихъ полковниковъ и сотенныхъ головъ, прибѣгавшихъ къ насиліямъ, вымогательствамъ, личнымъ оскорбленіямъ и жестокости. Наряжаемый розыскъ по челобитьямъ, доходившимъ до государей, большею частью производился неправильно, оправдывавшій начальниковъ и обвинявшій челобитчиковъ, выбираемыхъ обыкновенно изъ лучшихъ людей; жалобщиковъ бояринъ князь Юрій Долгорукій (начальникъ стрѣлецкаго приказа) велѣлъ *бить кнутомъ* и *разсылать въ ссылки*. Подобное неправосудіе, покрывавшее неслыханныя злоупотребленія начальническою властью, скрывало отъ верховной власти глубокія язвы, разъѣдавшія организмъ русскаго войска въ послѣднюю четверть XVII столѣтія. Достаточно ознакомиться съ обстоятельствами, предшествовавшими первому стрѣлецкому бунту въ Москвѣ, въ маѣ 1682 года, чтобы

([1]) Дѣла приказныя московскаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ. Годъ 1673. Съ формами наказовъ начальнымъ людямъ знакомятъ Акты археогр. комисіи.

видѣть одряхлѣлость военной системы въ Московскомъ государствѣ, когда бразды правленія перешли въ руки юнаго царя Петра Алексѣевича.

Всматриваясь ближе въ дѣятельность Петра I, нельзя не относиться съ благоговѣніемъ къ его богатырской рѣшимости и предпріимчивости. Онъ съ непоколебимою твердостью и изумительною настойчивостью, не взирая на неодолимыя препятствія, внесъ въ бытъ русскаго войска новыя юридическія начала и преобразовалъ ихъ во время тяжкой двадцатилѣтней войны, требовавшей крайняго напряженія народныхъ силъ для защиты государства отъ враговъ внѣшнихъ, сильныхъ и опасныхъ по своимъ замысламъ.

Опираясь на рядъ историческихъ явленій, мы можемъ доказать, что вступленіе Петра I на путь капитальныхъ реформъ въ русскомъ войскѣ, во всемъ ихъ объемѣ, обусловливается, объясняется и оправдывается: нравственнымъ упадкомъ русской приказной администраціи, деморализаціей стрѣльцовъ и солдатскихъ полковъ иноземнаго строя (за малыми исключеніями) и безсиліемъ Соборнаго уложенія для противодѣйствія злу, разъѣдавшему экономическія и нравственныя силы народонаселенія.

II.

Содержаніе и духъ военныхъ законовъ Петра I.

По возвращеніи Петра I изъ путешествія по Европѣ видимъ изумительную его дѣятельность по переустройству сухопутныхъ и созданію морскихъ вооруженныхъ силъ Россіи. Петръ I тщательно и умѣло подводитъ итоги всему прошедшему, незаконченному, безформенному, воспринятому на вѣру, непродуманному или навязанному случайно. Онъ вступаетъ на путь преобразованій военнаго устройства, твердо уповая, что принятіе иноземнаго строя, вооруженія, законовъ отъ болѣе просвѣщенныхъ народовъ не погубитъ русскаго народа и не обезсилитъ могущества русскаго царя.

Рѣшившись преобразовать русское войско, въ цѣломъ и въ частяхъ, принимая отъ западныхъ сосѣдей форму одежды, строй, вооруженіе, систему содержанія и порядокъ управленія, Петръ I естественно долженъ былъ примѣнить къ нему и европейскіе военные законы, надъ созданіемъ и обработкою которыхъ, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, трудились великіе умы болѣе просвѣщенныхъ народовъ

всей Европы, начиная отъ древнихъ грековъ и римлянъ и оканчивая новѣйшими народами, образовавшими могущественныя государства: англичанами, французами, германцами, голандцами, датчанами и шведами. Всеобъемлющій умъ Государя-преобразователя не могъ довольствоваться прежними, почти исключительно нѣмецкими законами, съ ихъ неопредѣленными нормами, допускавшими произволъ со стороны начальниковъ и судей; изучая самъ и заставляя изучать своихъ сотрудниковъ военные законы современныхъ европейскихъ государствъ, онъ примѣнялъ къ своему государству такіе, которые признавалъ лучшими или болѣе сообразными съ духомъ русскаго народа и съ задачами своей державы: онъ примѣнялъ законы наиболѣе опредѣленные и болѣе соотвѣтственные съ характеромъ и обычаями русскихъ людей, не заботясь о томъ, будутъ-ли они согласны съ Соборнымъ уложеніемъ 1649 года, или не согласны съ нимъ.

Учрежденіе регулярныхъ войскъ и созданіе флота дали рѣшительный толчекъ къ быстрому развитію силы и могущества русскаго государства, оживили общественный бытъ народа, скрѣпили связи государственной администраціи, развили торговлю и положили основы просвѣщенію.

Во всѣ времена и у всѣхъ народовъ войско составляло наиболѣе живую и самую чувствительную силу государственнаго организма. Самыми могущественными и сильными государствами были тѣ, войска которыхъ отличались матеріальною крѣпостью и нравственною силою.

Государство лишается спокойствія и силы, когда отъ неисправнаго содержанія солдата и отъ дурнаго управленія въ войскѣ разстраивается дисциплина и падаетъ воинскій духъ, когда отъ злоупотребленій по довольствію войскъ всѣмъ необходимымъ для ихъ существованія нарушаются государственные, общественные и частные интересы, когда, вслѣдствіе самоуправства военно-служащихъ на квартирѣ, на походѣ и на театрѣ военныхъ дѣйствій, *разрушаются* права собственности не только своихъ гражданъ, но и чужихъ. Во всѣхъ подобныхъ нарушеніяхъ колеблется авторитетъ власти, какъ источникъ воинскаго порядка и дисциплины, и въ военный бытъ подкрадывается деморализація, губящая самую сильную армію. А эти именно черты внутренняго разложенія охватили русское войско до принятія Петромъ I единодержавія: помѣстная конница, стрѣльцы и русскіе полки иноземнаго строя нравственно ослабѣли до такой степени, что не могли съ успѣхомъ противодѣйствовать даже турецкимъ полчищамъ.

Требовалось соединеніе весьма многихъ благопріятныхъ условій, чтобы изъ такихъ сомнительныхъ элементовъ создать новое войско, способное выдержать борьбу съ врагами отечества и спасти цѣлость государства.

Учрежденіе регулярныхъ войскъ по иноземному образцу началось съ переустройства всей пѣхоты въ 1699 году и, пройдя рядъ усовершенствованій и видоизмѣненій, завершилось въ 1716 году обнародованіемъ манифеста о выходѣ книги «Воинскаго устава», — *дабы всякій чинъ зналъ свою должность, и обязанъ былъ своимъ званіемъ, и невѣдѣніемъ не отговарился.*

Манифестъ начинается объясненіемъ о добромъ порядкѣ въ войскахъ, для которыхъ въ 1647 году, при ихъ переустройствѣ, данъ былъ Уставъ воинскій *(Ученіе и хитрость ратнаго строенія)*. Послѣ успѣховъ, оказанныхъ въ войнѣ за Малороссію, «при ростущемъ въ наукахъ свѣтѣ» оно упало. «Итако, что послѣдовало потомъ? не точію съ регулярными народы, но съ варварами, что ни противъ кого стоять могли, яко о томъ свѣжая еще память есть (что чинилось при Чигиринѣ и Крымскихъ походѣхъ, умалчивая старѣе), и не только тогда, но и гораздо недавно, какъ съ турки при Азовѣ, такъ и съ начала сея войны при Нарвѣ». Но затѣмъ, послѣ устройства и введенія въ войскѣ порядка, достигнуты великіе успѣхи надъ славнымъ и регулярнымъ народомъ.

Въ 1716 году русскую регулярную армію отъ русскихъ войскъ конца XVIII столѣтія отдѣляла Полтава и рядъ другихъ успѣховъ. Всебезпорядочный варварскій обычай, смѣху достойный, смѣнился добрымъ порядкомъ, который обязаны были охранять законы, собранные въ «Воинскомъ уставѣ». Военною реформою положена рѣзкая грань между древнею и новою Россіею; вмѣстѣ съ тѣмъ начинается новая эпоха въ исторіи русскаго военнаго законодательства, и самое изученіе законовъ Петра Великаго становится отраслью русской государственной науки, а не одной только исторіи.

«Уставъ Воинскій» былъ продуктомъ многострадальнаго періода Великой Сѣверной войны, выразителемъ творческаго генія Петра, новымъ знаменіемъ въ исторіи русскаго военнаго искусства. Онъ состоитъ изъ трехъ *книгъ:*

1) *Книга Уставъ воинскій* о должности генераловъ, фелтъ-маршаловъ и всего генералітета, и протчіхъ чіновъ, которые при войскѣ надлежатъ быть, и о иныхъ воінскіхъ дѣлахъ, и поведеніяхъ, что каждому чініть должно.

2) *Книга Артікулъ воінскій* и съ процессомъ надлежащімъ къ судящымъ, и

3) *Книга Эксерциція*—о церемоніяхъ и должностяхъ, воинскимъ людемъ надлежащихъ.

Этотъ первый сборникъ русскихъ военныхъ законовъ—административныхъ, полицейскихъ и уголовныхъ — вмѣстѣ съ присоединеннымъ къ нему строевымъ уставомъ, составленъ подъ непосредственнымъ руководствомъ Петра I въ теченіе многихъ лѣтъ работы и при участіи, насколько мы теперь знаемъ, слѣдующихъ сотрудниковъ: генерала *А. Вейде*, генерала *А. Головина*, надзирателя артилеріи *А. Виніуса*, оберъ-аудитора, саксонца *Э. Ф. Кромпена*, доктора правъ, барона *Гюйссена* и тайнаго кабинетъ-секретаря *Макарова*. Послѣдній былъ главнымъ *справщикомъ* слога рукописей, поступавшихъ съ 1712 года въ кабинетъ государя. Непосредственный же надзоръ за печатаніемъ Устава, подъ общимъ наблюденіемъ сената, порученъ былъ князю *А. Д. Меньшикову* и его секретарю *Алексѣю Волкову* ([1]).

Книга первая—«Уставъ воинскій о должностяхъ»—напечатана по рукописи, подписанной Петромъ I въ Данцигѣ 30-го марта (согласно Высочайшему указу 10-го апрѣля), въ С.-Петербургѣ 19-го іюля 1816 г., въ 8-ю долю (текстъ на 301 стр.), съ реестромъ главамъ устава по пунктамъ на 19 стр. и съ общимъ реестромъ главъ на 4 стр. Подлинная рукопись хранится въ библіотекѣ главнаго штаба, подъ бюстомъ Петра Великаго.

Книга «Уставъ воинскій» въ 68-ми главахъ опредѣляетъ: составъ арміи и ея частей (дивизіи, бригады), устанавливаетъ высшую іерархію чиновъ въ арміи или генеральный штабъ, очерчиваетъ кругъ обязанностей генералитета и чиновъ спеціальныхъ отраслей управленій: комисаріатскаго, квартирмейстерскаго, аудиторіатскаго (или военно-судебнаго), инженернаго, артилерійскаго, медицинскаго, полицейскаго и фискальнаго; составъ и кругъ дѣйствій военныхъ совѣтовъ или судовъ вышняго и нижняго и скорорѣшительныхъ (т. е. неотлагательныхъ), излагаетъ правила для расположенія полка или роты на квартирахъ у обывателей, на тѣсныхъ и зимнихъ квартирахъ, правила для фуражированія, порядокъ похода и расположенія лагеремъ: кавалеріи, инфантеріи и артилеріи; даетъ правила и наставленія для отправленія караульной и сторожевой службы и,

---

([1]) «Военные законы Петра Великаго въ рукописяхъ и первопечатныхъ изданіяхъ»—наше историко-юридическое изслѣдованіе съ приложеніемъ снимковъ съ исправленной Петромъ рукописи. Спб., 1887 г., стр. 44-я.

наконецъ, въ послѣдней главѣ, 68-й, устанавливаетъ количество порціоновъ и раціоновъ офицерскимъ чинамъ въ арміи, въ полкахъ и ротахъ конницы и пѣхоты, а равно въ артилеріи. Въ уставѣ ясно разграничены двѣ сферы управленія войсками—военная, или боевая и административная, или экономическая. На челѣ первой стоитъ фельдмаршалъ, во главѣ второй поставленъ генералъ кригсъкомисаръ—почти одно и то же, что нынѣшній военный министръ.

Дошедшіе до насъ рукописные сборники, которые хранятся въ Императорской публичной библіотекѣ и бывшемъ Румянцевскомъ музеѣ, служатъ свидѣтельствомъ, что съ самаго начала Великой Сѣверной войны офицерамъ и начальникамъ въ войскахъ были даны постановленія, инструкціи и правила, которыми опредѣлялись поведенія русскихъ войскъ: на маршѣ, въ лагерѣ, на квартирахъ, въ гарнизонахъ; отношеніе солдата къ офицеру и начальнику, а всѣхъ вмѣстѣ къ жителямъ занятой страны или непріятельской земли; отвѣтственность за нарушеніе воинской дисциплины, за неисполненіе долга службы, за нарушеніе порядка, за безчинство или порочное поведеніе и прочее. Рядомъ съ введеніемъ въ практику воинскихъ постановленій и правилъ разрабатывались штаты роты, полковъ и арміи, писались инструкціи о довольствіи войскъ жалованьемъ, кормомъ и другими родами снабженія. Устанавливался и разрабатывался порядокъ пополненія частей войскъ рекрутами. Всѣ эти правила и постановленія, частью вошедшія въ первую книгу Воинскаго Устава, составлены изъ отрывковъ или передѣланныхъ статей военныхъ законовъ: имперскихъ, саксонскихъ, датскихъ, нидерландскихъ, бранденбургскихъ, шведскихъ и французскихъ конца XVII и начала XVIII ст.; но встрѣчаемъ и самостоятельныя статьи и указы, писанные самимъ Петромъ (1).

Языкъ «Устава Воинскаго» замѣтно отличается отъ языка современныхъ ему литературныхъ произведеній на русскомъ языкѣ. На многихъ статьяхъ ясно выражается характерная рѣчь Петра и его слогъ—сжатый, точный и выразительный (2). Напротивъ, въ перевод-

---

(1) Въ этомъ мы убѣдились изъ сличенія устава воинскаго съ извѣстнымъ сочиненіемъ Флеммингa «Der Volkom Teutsh. Soldat» и «Сборника Европейскихъ Законовъ»: Corp. Jur. Milit. Novis. изд. 1724 г. Извѣстно, что Флеммингъ командовалъ одно время союзными войсками—саксонскими и русскими.

(2) Напримѣръ: «Такожъ надлежитъ ему (фельдмаршалу) смотрѣть, дабы воінскіе суды право отправлялися, не маня кому, ніже посягая на кого. И когда какой не правой судъ учінітца, тогда оныхъ судеи судіть надлежітъ. Ежели же онои сіе принебрежены, то самъ достоинъ будетъ такого наказанія, какъ тѣ вінные» (*Кн. Уст. Воин.* Гл. X.—О *генералъ фельтъ-маршалѣ и всякомъ аншефѣ*).

ныхъ статьяхъ и названіяхъ разныхъ предметовъ рѣжетъ ухо иностранная терминологія; тутъ встрѣчаемъ слова—французскія, нѣмецкія, голандскія и польскія (¹)

Всѣмъ чинамъ въ арміи даны иностранныя названія: генералисимусъ, генералъ-фельдмаршалъ, генералъ-аншефъ, генералъ отъ инфантеріи, генералъ отъ кавалеріи, генералъ-лейтенантъ, генералъ маіоръ, бригадиръ; то же въ артилеріи—генералъ фельдцейхмейстеръ и проч. и въ другихъ специальныхъ отрасляхъ. Эти названія мы видимъ еще въ росписи регулярной арміи 1706 г., устроенной въ Полоцкѣ.

Книга вторая состоитъ изъ двухъ частей: «Артикула Воинскаго» и «Процесовъ», или законовъ военно-уголовныхъ. Обѣ части составлены повидимому однимъ и тѣмъ же лицомъ, оберъ-аудиторомъ *Эрнестомъ Фридрихомъ Кромпеномъ*, саксонцемъ, бывшимъ на руской службѣ.

«Артікулъ Воинскій купно съ процесомъ надлежащій судящімъ» въ первый разъ напечатанъ 26-го апрѣля 1715 года (въ 8-ю долю). Рукопись Артікула съ поправками и помарками рукою самого Петра и съ исправленной редакціей въ слогѣ Макаровымъ, вполнѣ сходная съ первопечатнымъ текстомъ, хранится въ библіотекѣ главнаго штаба (въ большой витринѣ). Въ рукописи артикула нѣтъ только вступленія—манифеста и присяги. Рукопись процесовъ имѣется въ Румянцевскомъ музеѣ; въ концѣ печатнаго экземпляра находится добавка, написанная самимъ Петромъ на рукописномъ экземплярѣ «Артикула Воинскаго» о послѣдствіяхъ лишенія чести (²), уже послѣ отпечатанія перваго изданія процесовъ.

Артикулъ начинается *манифестомъ* Петра съ повелѣніемъ исполнять всѣ его пункты генералъ, штабъ, оберъ и унтеръ-офицерамъ и солдатамъ—какъ русскимъ подданнымъ, такъ и чужестраннымъ, въ службѣ нашей пребывающимъ; и дабы «невѣдѣніемъ нікто не отговаривался, надлежитъ сеи артікулъ на смотрѣхъ, а особливо при всякомъ полку по единожды прочітать въ недѣлю, чтобъ всякъ своего стыда наказанія и безчестія удалялся и бѣгалъ, противъ тогожъ о благодѣяніи храбрости и повышеніе прилежаніе имѣлъ».

Послѣ манифеста дается *форма присяги* или обѣщанія всякаго воинскаго чина людямъ.

(¹) Волунтеры (вольноопредѣляющіеся), корволанты (сірѣчь легкой корпусъ), похлѣбство (угожденіе, лесть), сатісфакція, винтеръ-квартиры, рефреширъ-квартиры, ревенія (побудка), шпіталь (больница, лазаретъ), потентатъ (государь).

(²) Воен. зак. Петра Вел. въ рукоп. и первон. изд. 1887 г., стр. 53 и слѣд.

Артикулъ дѣлится на 12 главъ, излагаемыхъ по системѣ и плану шведскаго воинскаго артикула Густава Адольфа (въ обновленной его редакціи Карломъ XI) съ нѣкоторыми лишь отступленіями въ порядкѣ съ добавленіями. Первыя двѣ главы посвящены правонарушеніямъ религіознымъ (О страсѣ Божіи, о службѣ Божіи и о священникахъ). Слѣдующія 14 главъ (отъ 3 до 16) обнимаютъ циклъ воинскихъ преступленій: нарушеніе воинской дисциплины, преступленія противъ караульной службы, порча оружія, одежды, снаряженія, уклоненія отъ воинской службы, побѣги и проч. и, наконецъ, послѣднія шесть главъ (17—24) относятся къ преступленіямъ общаго характера: измѣна, бунтъ, оскорбленіе чести, смертоубійство и т. д. Существеннымъ дополненіемъ къ Артикулу (собственно къ главамъ XVII и XVIII) служитъ *патентъ о поединкахъ* (гл. 49-я 1-й кн. Уст. Воин.) или собственно преступленія противъ личной чести.

Русскій Артикулъ Воинскій, въ основныхъ идеяхъ и въ средствахъ поддержанія дисциплины, порядка и нравственности въ войскахъ вполнѣ проникнутъ духомъ оригинала, но онъ отличается отъ него: 1) болѣе сжатою формою почти всѣхъ статей, относящихся къ воинскимъ преступленіямъ; 2) болѣе детальнымъ развитіемъ и нѣсколько распространенною редакціею главъ объ общихъ, наиболѣе тяжкихъ и опасныхъ, преступленіяхъ; 3) вставкою многихъ новыхъ артикуловъ и добавленіемъ новыхъ юридическихъ нормъ, и наконецъ въ 4) толкованіями. Добавленія, приставки и толкованія нашего Артикула заимствованы изъ датскихъ военныхъ законовъ и отъ коментаторовъ Гойера, Шварцена и Петра Паппія на бранденбургскій, старо-шведскій и голандскій военные артикулы. Наконецъ, на Русскомъ Артикулѣ, въ статьяхъ общеуголовнаго, однако не спеціально военнаго характера, замѣтно отразилось вліяніе нѣмецкаго уголовнаго уложенія Карла V (P. H. G. O. 1532 или Каролины), господствовавшаго въ Европѣ при Петрѣ Великомъ. На нѣкоторыхъ же правоопредѣленіяхъ выразилось вліяніе саксонскаго права.

Преимущества русскихъ военно-уголовныхъ законовъ (сходно съ шведскимъ оригиналомъ) передъ прочими выразились въ обращеніи къ войску, какъ особому институту въ государствѣ, и въ господствѣ мысли о іерархической подчиненности между офицерами, унтеръофицерами и рядовыми. Правда, въ этомъ отношеніи нѣтъ строгой выдержки. Въ преступленіяхъ чисто воинскаго характера видимо только преобладаетъ стремленіе оградить войска отъ злоупотребленій во всякаго рода довольствіяхъ и предупредить безпорядокъ и без-

чиніе въ разныхъ проявленіяхъ военнаго быта. Въ противоположность съ старо-шведскимъ въ Артикулѣ встрѣчается много неясностей въ изложеніи рѣчи, въ оборотахъ и опредѣленіяхъ. Эти недостатки отчасти сглаживаются *толкованіями*, составляющими отличительный признакъ русскихъ артикуловъ передъ всѣми прочими европейскими артикулами. Въ толкованіяхъ нашъ законодатель совѣтуетъ, какъ должно поступать судьѣ въ сомнительныхъ случаяхъ, или разъясняетъ неопредѣленную форму текста артикула, или же дополняетъ его. Напримѣръ, въ артикулѣ 59, въ случаѣ растраты солдатомъ своей мундирной одежды или своего ружья, къ отвѣтственности привлекается и тотъ, который у солдата покупаетъ такія вещи.

Толкованіе разъясняетъ: «Ибо оружія суть самые главнѣйшіе члены и способы солдатскіе, чрезъ которые непріятель имѣетъ побѣжденъ быть. И кто ружье свое не бережетъ, оный худой знакъ своего солдатства показуетъ, и малую охоту имѣть означітца, чтобъ свою должность надлежащимъ образомъ въ бою отправлять, того ради прістоіно есть оного такожде жестоко наказать, который солдату въ томъ вспомогаетъ, ибо онъ тѣмъ солдата къ службѣ своего государя негодна чінітъ».

Или въ толкованіи на артикулъ 40-й, которымъ опредѣляется разстрѣляніе офицера за небрежность, неосторожность и нерадѣніе въ караулѣ: въ крѣпости, у воротъ, на валу и проч., дано такое объясненіе: «Ибо караулъ есть жівотъ крѣпости и лагеря, и не токмо едінъ генералъ, но и все воіско во время сна своего надежду имѣетъ на караульныхъ. Караулъ есть наізнатнѣішая служба, которую солдатъ въ войнѣ отправляетъ».

Или еще въ толкованіи на артикулъ 91-й дается совѣтъ судьѣ: «Однакоже можетъ судія разсудіть, что съ измѣнніческова-ли какова умыслу, или съ глупости, или безумства, такожде во время-ли войны, или мира то учінітся, и по тому разсужденію наказаніе убавіть, или прибавіть».

Эти и другія подобныя толкованія имѣютъ чрезвычайно важное юридическое значеніе. Въ нихъ законодатель предоставляетъ право судьѣ относиться самостоятельно къ санкціи артикуловъ, въ зависимости отъ условій и обстоятельствъ, при которыхъ совершено преступленіе.

Не смотря на сдѣланныя самимъ Петромъ исправленія по существу или въ изложеніи (въ 76 мѣстахъ) и на многочисленныя редакціонныя поправки Макарова, въ Артикулѣ Воинскомъ осталось много неясностей, повтореній и даже нѣсколько противорѣчій. И при

всемъ томъ Артикулъ Воинскій Петра I своею полнотою и опредѣлительностью превосходитъ рѣшительно всѣ военные законодательные памятники современной Европы. Онъ дополняетъ и исправляетъ Соборное уложеніе 1649 года, которое въ военномъ отношеніи рѣшительно не имѣло никакого значенія; даже болѣе—Соборное уложеніе поражаетъ насъ отрицательнымъ отношеніемъ къ войску, какъ особо организованной, постоянной силѣ въ государствѣ.

«Краткое изображеніе процесовъ, или судебныхъ тяжебъ», или законы о судопроизводствѣ,—составляютъ вторую половину 2-й книги. Оно издавалось особо отъ Артикула или *купно съ нимъ* (¹). Составныя части «Процесовъ» слѣдующіе: вступленіе,—двѣ главы: о составѣ суда—гражданскаго и воинскаго, о судьяхъ и процесѣ или порядкѣ и формѣ судопроизводства. Процесъ дѣлится на три части: часть первая начинается отъ повѣщанія и продолжается до отвѣтчикова отвѣту, въ шести главахъ; ч. 2-я продолжается до сентенціи, или приговору, въ шести главахъ, и ч. 3-я—отъ приговору даже до совершеннаго окончанія процеса—въ двухъ главахъ. Особое добавленіе о наказаніяхъ и казняхъ и о томъ, какъ поступать съ тѣмъ, кто чести лишенъ.

Военному суду подсудны: офицеры, солдаты и всѣ лица, принадлежащія войску. Воинскій судъ, или кригсрехтъ, дѣлится на генеральный и полковой; каждый состоитъ изъ предсѣдателя и шести членовъ. Такъ какъ военный судъ состоитъ изъ офицеровъ, «отъ которыхъ особливаго искусства въ правахъ требовать не мочно, ибо они время свое обученіемъ воінскаго искусства, а не юрітіческаго (юридическаго) провождаютъ, и того ради держатся при войскахъ генералы, оберъ и полковые аудиторы, отъ которыхъ весьма требуется доброе искусство въ правахъ, и надлежітъ онымъ добрымъ быть юрістамъ, дабы при воинскихъ судахъ на-крѣпко смотрѣли и храніли, чтобы процесы порядочно и надлежащімъ образомъ отправлялісь». Аудиторъ не принималъ участія въ голосованіи приговора (какъ и нынѣшній прокуроръ), но обязанъ былъ наблюдать за правильностью судопроизводства. Въ извѣстныхъ случаяхъ допускались въ военный судъ полномочные или адвокаты (защитники).

«Процесы» составлены по смыслу и духу саксонскихъ законовъ о судопроизводствѣ, которое было лучшимъ въ Западной Европѣ. Впрочемъ, форма суда принята одинаковая какъ для дѣлъ уголов-

---

(¹) См. *Пекарскаго* «Наука и литература въ Россіи при Петрѣ Великомъ», ч. II, стр. 689-я. Процесы продавались въ мартѣ мѣсяцѣ 1715 г., когда еще не былъ изданъ Артикулъ Воинскій.

ныхъ, такъ и гражданскихъ, сходно съ уложеніемъ. Схема же о наказаніяхъ — обыкновенныя тѣлесныя или дисциплинарныя, жестокія тѣлесныя, наказанія смертью, легкое нарушеніе чести и тяжелое нарушеніе чести (объявленіе шельмомъ) принято изъ датскихъ военно-уголовныхъ законовъ. Петръ Великій на послѣдней страницѣ рукописи Артикула даетъ слѣдующее собственноручное приказаніе о томъ, какъ слѣдуетъ поступать съ тѣми, кто чести лишенъ — шельмованъ (то-есть изъ числа добрыхъ людей и вѣрныхъ извергнутъ):

«1) Ни въ какое дѣло ніже свідѣтельство непрінімать.

«2) Кто такого ограбітъ, побъетъ, или ранітъ, или у него отъіметъ, у оного челобітья не пріимать и суда ему не давать, развѣ до смерти кто его убъетъ, то яко убiица судітіся будетъ.

«3) Въ кампаніи не допускать, и едінымъ словомъ, таковый весьма лішенъ общества добрыхъ людей, а кто сіе преступитъ, самъ можетъ наказанъ быть».

Этими опредѣленіями заканчиваются «процесы».

Третья книга, о эксерциціи (или ученіи) и проч., состоитъ изъ трехъ частей:

1) звычайное ученіе въ инфантеріи.

2) о приготовленіи къ маршу, какъ поступать церемоніално и въ отданіи комплементовъ генералітету и доброе поведеніе въ протчихъ манерахъ содержівать.

3) о званіяхъ и должностяхъ полковыхъ чиновъ, отъ салдата даже до полковника.

Каждая изъ составныхъ частей третьей книги, или собственно строевой уставъ, съ описаніемъ обязанностей каждаго чина въ полку, начиная отъ солдата, была знакома русскимъ войскамъ съ самаго начала Сѣверной войны. Первая часть — о экзерциціи — есть воспроизведеніе «краткаго обыкновеннаго ученія съ крѣпчайшимъ и лучшимъ растолкованіемъ (въ строеніи пѣшихъ полковъ), какъ притомъ поступати и въ осмотрѣніи имѣти надлежитъ господамъ капитаномъ и прочымъ начальнымъ и урядникомъ», изданія 1704 г. — (Первое его изданіе было въ 1702 г.). Собственно французскій уставъ Петромъ былъ можетъ быть видоизмѣненъ по первоначальному строевому уставу генерала Вейде, 1698 г., который составилъ его по нѣмецкому имперскому; послѣдній же слѣдовалъ образцамъ прежнихъ французскихъ уставовъ, до отмѣны пикъ. Названный уставъ Вейде, исправленный въ редакціонномъ отношеніи генераломъ Головинымъ и самимъ Петромъ, былъ изданъ два раза въ 1700 году ([1]).

([1]) Военные законы Петра Великаго въ рукоп. и первопеч. изданіяхъ, стр. 40-я. Все это слѣдовало провѣрить посредствомъ сличеній.

Вторая часть третьей книги—о пріуготовленіи къ маршу—составляетъ собственно инструкцію изъ 41-го пункта, надо полагать—принесенную къ намъ саксонскими офицерами, которые въ началѣ Сѣверной войны служили въ значительномъ числѣ въ регулярной арміи Петра. Эта инструкція во многихъ мѣстахъ сходна съ регулами, вошедшими въ сочиненіе Флемминга: «Der Volkom Teutsh Soldat».

Послѣдняя часть, о званіяхъ и должностяхъ, взята изъ *устава генерала Вейде* съ незначительными добавками и редакціонными поправками.

«Солдатомъ называется всякій военно-служащій отъ вышняго генерала даже до послѣдняго мушкатера, коннаго и пѣшаго». Затѣмъ идутъ подраздѣленія военно-служащихъ—на нижнихъ начальныхъ людей и вышнихъ начальныхъ; къ первымъ относятся: унтеръ-офицеры (тѣ, которые ниже прапорщика); ко вторымъ—оберъ-офицеры, до маіора; далѣе, отъ маіора до полковника,—штабъ-офицеры. Слѣдуетъ описаніе всѣхъ чиновъ въ ротѣ: капитанъ есть у роты глава. Въ походѣ онъ на лошади, а въ бою, въ парадѣ и въ церемоніальныхъ маршахъ обрѣтается предъ своею ротою пѣшъ. Затѣмъ слѣдуетъ капитанъ-поручикъ, поручикъ, подпоручикъ и прапорщикъ. «Послѣднему подобаетъ особно во вся дни немощныхъ посѣщати и смотрѣти, нѣтъ ли имъ въ прізираніи какого недостатку. Ему подобаетъ великую любовь къ салдатамъ имѣть, и егда они въ наказаніе впадутъ, тогда ему объ ніхъ біть челомъ вольно. Въ бою онъ со знаменемъ, которое онъ не долженъ оставлять подъ смертною казнію, понеже вся рота при немъ содержітся». Къ нижнимъ чинамъ отнесены: сержантъ, каптенармусъ, подпрапорщикъ, корпоралъ, лекарь ротный, ротный писарь, ефрейторъ, леіпшицъ (тѣлохранитель), или денщікъ, и барабанщикъ ([1]). Между прочимъ о ротномъ писарѣ сказано, что ему надлежитъ въ указное время читать всей ротѣ воинскіе артикулы и держать запись, за что кому въ ротѣ учинено бываетъ наказаніе. У капитана два тѣлохранителя—стрѣлки и въ бою они всегда за капитаномъ.

Въ полку 8 ротъ, по 144 человѣка фузилеровъ и пикинеровъ (потомъ тѣхъ и другихъ замѣнили мушкетеры), а въ гренадерскихъ—гренадеровъ; два баталіона, можетъ быть и три. Полковой штабъ составляютъ слѣдующіе чины: а) штабъ-офицеры: полковникъ,

---

([1]) Въ первой книгѣ Устава Воинскаго вмѣсто барабанщика стоитъ фейфоръ, или флейщикъ, или гобоистъ и опущенъ тѣлохранить (леіпшицъ). Въ драгунской ротѣ офицерскіе чины: капитанъ, поручикъ, подпоручикъ и прапорщикъ, нижніе чины: вахмистръ, фурієръ, ротный писарь, ротный фельдшеръ, ротный кузнецъ и ротный сѣдельникъ. Гл. 68-я. «Уставъ Воинскій».

подполковникъ, преміеръ-маіоръ и секундъ-маіоръ, и б) *полковые офицеры:* квартирмистръ, аудиторъ, адъютантъ, комисаръ, обозный, провіантмейстеръ, лекарь, фискалъ и профосъ. Тѣ же самые полковые чины были и въ кавалерійскомъ или драгунскомъ полку.

Каждая книга Устава Воинскаго издавалась особо—сначала на одномъ русскомъ, а потомъ на русскомъ-же съ нѣмецкимъ переводомъ. Переводчикомъ первой книги Устава Воинскаго былъ баронъ Гюйсенъ. Нѣмецкій текстъ долженъ былъ служить для иноземныхъ офицеровъ и начальниковъ ([1]).

Всѣ три книги Устава Воинскаго въ первый разъ изданы вмѣстѣ въ 1719 году на русскомъ языкѣ, въ форматѣ листа ([2]). Сопиковъ даетъ указаніе о напечатаніи всѣхъ трехъ книгъ вмѣстѣ еще въ 1716 году въ листѣ и въ 8-ю долю; такихъ экземпляровъ не встрѣчается во всѣхъ главныхъ книгохранилищахъ Имперіи, и мы имѣемъ основаніе указанія Сопикова признать проблематическими ([3]).

Изданіе Устава Воинскаго, полное и по частямъ, на одномъ русскомъ языкѣ, а также на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, продолжалось до конца двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія. Артикулъ Воинскій въ послѣдній разъ изданъ въ 1827 году въ мѣстечкѣ Тульчинѣ, при штабѣ 1-й арміи.

Законодательный матеріалъ «Устава» не есть простая компиляція: это трудъ самостоятельный, строго обдуманный, соображенный съ обстоятельствами времени и приспособленный къ быту учрежденныхъ регулярныхъ войскъ, для которыхъ онъ служилъ въ теченіе болѣе ста лѣтъ. На «Артикулѣ Воинскомъ» воспитался русскій солдатъ, доблестныя качества котораго доказываютъ всѣ войны, начиная Великою Сѣверною войною и кончая новѣйшими войнами въ Турціи, на Кавказѣ и въ Азіи.

Уставомъ Воинскимъ не исчерпывается, конечно, Петровское военное законодательство. Его пополняютъ и развиваютъ временные законы подъ названіемъ: регламентовъ (напримѣръ *регламентъ кригсъ-комисаріату*), указовъ, патентовъ, инструкцій, плакатовъ; мы не касаемся еще морскихъ законовъ. Какъ военные законы для сухо-

---

([1]) У *генералъ-маіора Пузыревскаго* имѣется первопечатный экземпляръ первой книги, составляющій величайшую рѣдкость, но безъ обложки, на которой показано время печатанія: «Напечатано повелѣніемъ Царскаго Величества въ Санктъпітербурхѣ. Лѣта Господня 1716, Іуліа въ 19 день». Ср. Воен. зак. Петра В. въ рук. и первоп. изд., стр. 62-я.

([2]) Съ этого экземпляра мы беремъ цитаты, съ сохраненіемъ правописанія

([3]) Военные законы Петра Великаго въ рук. и первоп. изданіяхъ, стр. 69-я и 70-я.

путной арміи, такъ и Морской Уставъ 1720 г. и другія постановленія для флота, и по формѣ, и по духу имѣютъ всѣ признаки самостоятельнаго труда и служатъ отпечаткомъ творческаго генія Петра I и его индивидуальнаго характера: въ военныхъ и морскихъ законахъ Петра I, не смотря на самые разнообразные матеріалы и источники, видимъ стройность и приспособленіе къ труднымъ обстоятельствамъ его времени и къ основнымъ цѣлямъ его дѣятельности — какъ государя, полководца и адмирала.

Военное законодательство Петра Великаго поставило русскому войску возвышенныя и широкія цѣли, разрѣшеніе которыхъ связано съ развитіемъ самобытной культуры русскаго народа и усиленіемъ могущества русскаго государства. Въ нихъ поднято значеніе солдата — какъ человѣка, гражданина и слуги своего отечества. Въ нихъ указана необходимость: его духовнаго образованія, приспособленія къ военному дѣлу, обученія военному искусству. Въ нихъ личность воина ограждается отъ произвола, насилія и самоуправства, а его матеріальный бытъ охраняется заботливостью о довольствіи насущными потребностями въ жизни и попечительностью надъ больными и увѣчными, потерявшими здоровье на службѣ своему отечеству. Во имя любви къ отечеству законодатель требуетъ безпрекословнаго повиновенія волѣ начальника и беззавѣтной преданности долгу воинской службы.

Въ началѣ Великой Сѣверной войны въ одномъ изъ своихъ манифестовъ, призывая иностранцевъ въ Россію, Петръ I сказалъ слѣдующее: «Мы наипаче старались о наилучшемъ учрежденіи *военнаго штата*, яко опоры нашего государства, дабы войска наши состояли изъ хорошо обученныхъ людей, но и жили въ добромъ порядкѣ и дисциплинѣ». Но для утвержденія порядка и дисциплины недостаточно было содѣйствія иноземныхъ офицеровъ и начальниковъ. Ихъ услугою Россія давно пользовалась. Устанавливая «штаты» для регулярной арміи, Петру I необходимо было создать и условія благопріятныя для самобытнаго существованія войска, какъ особаго состоянія въ государствѣ, въ такое время, когда нужно было напрягать народныя силы для успѣшнаго веденія борьбы съ врагомъ внѣшнимъ, страшнымъ не многочисленностью своихъ ратей, а превосходствомъ военной организаціи, внутренняго порядка и дисциплины. Чтобы можно было успѣшно пополнять ряды своей арміи, снабжать ее предметами вещеваго довольствія, исправно кормить солдата, — неизбѣжно было сломать обветшалое зданіе «приказной» администраціи. «Старые судьи», представители и дѣльцы приказовъ, посылая указы, вовсе и не заботились объ ихъ исполненіи: они должны были уступить свое мѣ-

сто новымъ людямъ, воспитаннымъ въ строгой школѣ Петра I, неусыпно слѣдившаго за дѣйствіями ихъ — въ *канцеляріяхъ, губерніяхъ, Сенатѣ* и, наконецъ, въ *Колегіяхъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ для установленія порядка въ довольствіи войскъ жалованьемъ и кормомъ и исправности въ снабженіи ихъ одеждою и снаряженіемъ необходимо было отказаться отъ многихъ натуральныхъ повинностей, падавшихъ исключительно на землю, обративъ таковыя въ денежныя, и правильнѣе разложить налоги на промышленные и торговые классы, положивъ тѣмъ самымъ широкое основаніе для развитія земледѣлія, оживленія промышленности и распространенія торговли.

Свое новое сооруженіе—регулярное войско, устроенное по лучшимъ образцамъ и обезпеченное въ своемъ существованіи—Петръ Великій увѣнчиваетъ военнымъ законодательствомъ, вносящимъ въ воинскій бытъ идеалы великихъ полководцевъ и опыты лучшихъ законодателей XVII столѣтія и самого Петра. Своимъ военнымъ правомъ великій царь стремится прежде всего оградить интересы государства и охранить собственность гражданъ, далѣе—упрочить благосостояніе войскъ посредствомъ поддержанія строгаго порядка и непоколебимой дисциплины, наконецъ—предупрежденіемъ, угрозами строгихъ наказаній—вырвать съ корнемъ лихоимство въ довольствіи солдата всѣми предметами снабженія на квартирахъ и на походѣ, въ крѣпостяхъ и лагеряхъ, въ военное и мирное время, и упрочить въ быту войскъ вообще и въ частности—во взаимныхъ отношеніяхъ между начальниками и подчиненными «добрый порядокъ», нравственность и религіозность.

Однако военнымъ законамъ Петра еще долгое время пришлось вести борьбу съ укоренившимися обычаями и предразсудками, которые оказались болѣе упорными, чѣмъ законы писанные, утвержденные верховною санкціею, болѣе сильными, чѣмъ могучая воля Великаго законодателя. Мѣстничество продолжало жить въ правахъ чиновныхъ людей,—оно не умерло и въ войскѣ Петра, и въ его колегіяхъ.

Въ государственномъ зданіи многое еще оставалось на половину не исполненнымъ, а въ общественномъ народномъ быту сохранялись еще многія язвы, когда не стало Петра Великаго.

Остались отлично устроенныя имъ войска, донынѣ сохранившія доблестный духъ, и безсмертный памятникъ—его военные законы, хранить которые обязаны были начальники и судьи.

III.

Преступленія противъ воинской дисциплины.

Понятіе о воинской дисциплинѣ вытекаетъ изъ понятія о повиновеніи волѣ начальника—его командѣ, его приказанію, распоряженію, предписанію, указу — и изъ понятія о почитаніи начальника, какъ лица, облеченнаго властью. Поэтому и основу воинской дисциплины составляютъ повиновеніе начальнику и его почитаніе.

Нарушеніемъ воинской дисциплины военные законодатели всѣхъ временъ именуютъ неуваженіе къ власти, непочтительность къ старшему, обиду и оскорбленіе начальника, сопротивленіе ему, неисполненіе приказаній или распоряженій начальника. Таковы именно правоопредѣленія о воинской дисциплинѣ и лучшаго изъ военныхъ законодателей XVII столѣтія, шведскаго короля и полководца Густава Адольфа, собранныя въ главѣ IV его знаменитаго кодекса. Его законы о *почитаніи высшихъ и низшихъ офицеровъ, о повиновеніи командѣ и о должномъ послушаніи рядовыхъ* (¹) производятъ неотразимое впечатлѣніе своимъ разжигающимъ душу свѣтомъ,

---

(¹) Von der Königl. Majest. Respect, auch Dero hohen und nieder Officirer Authorithät und Commando, und der Soldaten gebührenden aller unterthänigsten Gehorsam, so sie selbsten und denen Respective zuleisten schuldig seyn. Cor. Jur. Mil. 1674, s. 154.

сконцентрированномъ какъ бы въ одномъ фокусѣ зажигательнаго стекла.

Повиновеніе волѣ начальника справедливо сравниваютъ съ компасомъ, двигающимъ корабль по морскимъ стихіямъ. Повиновеніе волѣ начальника, исполненіе его приказанія или его запрещенія всегда было и будетъ краеугольнымъ камнемъ порядка въ войскѣ. Древніе греки и римляне, въ эпоху своей славы и могущества, относились съ неумолимою суровостью къ нарушителямъ приказаній, какъ бы высоко ни были поставлены лица, обязанныя повиноваться. У римлянъ, напримѣръ, самая побѣда надъ непріятелемъ не считалась за побѣду, если она одержана была безъ отданнаго приказанія полководца.

Манлій казнилъ своего сына за то, что онъ вступилъ въ бой безъ приказанія, хотя и одержалъ побѣду: ибо противъ воли полководца преступно одержать самую рѣшительную побѣду надъ непріятелемъ. Аѳиняне казнили смертью своихъ легатовъ, посланныхъ въ Аркадію за то, что они на возвратномъ пути избрали не ту дорогу, которая имъ была указана правительствомъ, не смотря на то, что ихъ посольство увѣнчалось успѣхомъ. Въ войскахъ древняго Рима обычную черту нравовъ составляли суровыя наказанія за неповиновеніе начальнику, за неисполненіе его приказаній и сопротивленіе его волѣ; чрезмѣрною властью для наложенія самыхъ суровыхъ наказаній за неповиновеніе пользовались префекты римскихъ легіоновъ въ войскахъ Юлія Цезаря ([1]).

Оставляемъ въ сторонѣ средніе вѣка, вѣка разнузданности нравовъ, безначалія, суевѣрія обществъ, когда во всякомъ, даже маловажномъ преступленіи видѣли оскорбленіе божества, нарушеніе божественнаго права. Мало интереса для нашей задачи имѣетъ эпоха наемныхъ полчищъ, при полномъ упадкѣ военнаго искусства. Скажемъ только, что попадавшій въ войска всякій сбродъ людей, нанятыхъ за деньги, навербованныхъ хитростью, насиліемъ, обѣщаніемъ вербовщиковъ, могъ быть сдерживаемъ только страхомъ жестокаго возмездія, грозою, суровою карою. Оттого военные ордонансы французскіе и военные артикулы нѣмецкіе въ XV, XVI и началѣ XVII ст. къ нарушителямъ дисциплины, къ неповинующимся и сопротивляющимся приказаніямъ капитановъ или начальниковъ *дружинъ* (бандъ, фенлейновъ, легіоновъ), прилагали наивысшія кары, соединяемыя съ униженіемъ человѣческаго достоинства: обрѣзаніе носа и ушей,

---

([1]) Префекту римлянъ соотвѣтствовалъ въ средніе вѣка: во Франціи и Германіи—*профосъ* (prévot, profoss); въ русскихъ же войскахъ—*приставъ*.

отсѣченіе членовъ, отрѣзываніе или выжиганіе языка, клейменіе щекъ, отрубаніе пальцевъ или кисти руки. И это было согласно съ духомъ жестокаго, мстительнаго и суевѣрнаго общаго уголовнаго уложенія (напримѣръ *Каролины*). Въ обидѣ и оскорбленіи начальника, въ неповиновеніи его волѣ видѣли оскорбленіе божественнаго права.

Не только по условіямъ комплектованія наемныхъ войскъ, но и по характеру ихъ строя и тактическаго образованія въ XVII ст., и даже позже, военную дисциплину могли поддерживать только чрезмѣрно жестокими наказаніями въ соединеніи съ позорящимъ человѣческое достоинство лишеніемъ чести. Даже съ учрежденіемъ постоянныхъ національныхъ войскъ (послѣ усовершенствованія огнестрѣльнаго оружія) не скоро могъ измѣниться духъ старыхъ военныхъ *артикуловъ*,—до того народныя массы привыкли къ жестокости режима общеуголовнаго права въ Западной Европѣ.

Во второй половинѣ XVII и въ началѣ XVIII в., въ государствахъ, вновь организуемыхъ при самомъ началѣ учрежденія регулярныхъ войскъ, монархамъ и полководцамъ можно было поддерживать порядокъ въ войскахъ только посредствомъ жестокихъ и позорящихъ честь наказаній, и сами законодатели не видѣли повода къ ихъ смягченію ни за общія, ни тѣмъ болѣе за воинскія преступленія. Порядокъ и дисциплину въ войскахъ тогда считали возможнымъ поддерживать только неумолимою строгостью въ наказаніяхъ смертію и членовредительныхъ, соединенныхъ съ нравственнымъ пораженіемъ виновныхъ, потому собственно, что самый матеріалъ, изъ котораго образованы были арміи, былъ крайне неудовлетворителенъ.

Слѣдующими обстоятельствами мы объясняемъ крайнюю жестокость европейскихъ военныхъ законовъ за нарушеніе воинской дисциплины: во-первыхъ, къ низшимъ слоямъ населенія, откуда набирались солдаты для регулярныхъ армій (по вербовкѣ-ли, или по рекрутскому набору), общественная власть продолжала относиться съ предубѣжденіемъ сословности, причемъ между солдатами и офицерами оставались отношенія крѣпостнаго къ своему помѣщику, мужика—къ своему барину; во-вторыхъ, въ тактическомъ образованіи, по самому характеру глубокаго строя (въ 10—16 шеренгъ), развивалось механическое направленіе: сложныя смыканія, размыканія и захожденія, контръ-марши, пальба шеренгами и плутонгами, хожденіе въ ногу цѣлымъ *полкомъ*—обращали солдатъ какъ бы въ неодушевленныя фигуры, управиться съ которыми можно было только при помощи палочныхъ ударовъ и казней; въ-третьихъ, обученіемъ солдатъ вы-

правкѣ, ружейнымъ пріемамъ и движеніямъ занимались не офицеры, но особаго рода мастера-дресировщики, дресирмейстеры, нерѣдко люди сомнительной нравственности, нерѣдко пьяные, когда-то служившіе капралами, во всякомъ случаѣ люди привычные къ безцеремонному способу внушенія солдатамъ повиновенія своей волѣ: такихъ учителей-мастеровъ солдаты не уважали, хотя были съ ними за панибрата; въ-четвертыхъ, содержаніе войскъ въ мирное время на первыхъ же порахъ повело къ преувеличенію ихъ *параднаго*, показнаго значенія въ государствѣ. Думали, что блестящимъ состояніемъ войскъ на парадѣ можно измѣрять могущество и силу государства. А для достиженія такой цѣли незачѣмъ было и заботиться о нравственномъ индивидуальномъ развитіи солдата. Только впослѣдствіи, послѣ тяжелыхъ уроковъ и жестокихъ неудачъ въ войнахъ XVIII ст., поняли, что собственно нравственнымъ развитіемъ солдата, поднятіемъ его личности, признаніемъ въ немъ человѣка обусловливаются успѣхи тактики съ огнестрѣльнымъ оружіемъ.

При такихъ условіяхъ военно-уголовное законодательсто, стремясь *утвердить іерархическую соподчиненность* въ регулярныхъ войскахъ и требуя повиновенія старшимъ, обращало исключительное вниманіе на огражденіе офицеровъ и унтеръ-офицеровъ отъ оскорбленій и насилій со стороны подчиненныхъ, но умалчивало объ огражденіи нижнихъ чиновъ отъ произвола, самоуправства и неправосудія начальниковъ. Наказывая солдата за неповиновеніе смертью, не считали нужнымъ входить даже въ разсмотрѣніе ни обстоятельствъ дѣла, ни поводовъ къ такому зловѣщему преступленію въ войскахъ. Воля военнныхъ законодателей французскихъ, нѣмецкихъ, голандскихъ выражалась примѣрно слѣдующею стереотипною фразою: «Солдатъ, отказавшійся повиноваться приказанію своего капитана (или какого либо другаго начальника), наказывается смертью». Къ неповиновенію офицера своему начальнику поименованные законы относились снисходительнѣе, чѣмъ къ неповиновенію солдата, не входя въ разсмотрѣніе того, что нарушеніе дисциплины капитаномъ или офицеромъ можетъ повести къ болѣе важнымъ послѣдствіямъ, чѣмъ таковое же нижнимъ чиномъ. Такъ, во французскомъ военномъ правѣ капитанъ или офицеръ за неповиновеніе сержантъ-маіору при *исправленіи имъ служебныхъ обязанностей* подвергался *произвольному* (arbitrairement) наказанію полковника (du colonel), а солдатъ за ту же вину долженъ былъ просить помилованія у короля, у полковника и у сержантъ-маіора въ присутствіи всѣхъ ротъ (передъ строемъ—дружины), потомъ у него отнимали оружіе и онъ изго-

нялся изъ войскъ. За нанесеніе *обиды* сержантъ-маіору, при исполненіи имъ своихъ обязанностей, капитанъ (и офицеръ) подвергался произвольному наказанію полковника, а солдатъ прогоняется сквозь строй на пики (*sera passé par les picques*). Солдатъ, за нанесеніе обиды словомъ сержанту или унтеръ-офицеру, долженъ просить прощенія передъ солдатами всѣхъ частей, а за обиду дѣйствіемъ прогоняется сквозь строй на пики или копья (Ordonn. du Roi Henry II, art. 10, 11, 12). Вообще солдатъ за неповиновеніе своему капитану или начальнику и за оскорбленіе дѣйствіемъ капитана, ротмистра и капрала, какъ и подданный за оскорбленіе дѣйствіемъ своего господина, наказывался смертью, между тѣмъ какъ объ оскорбленіи офицеромъ своего начальника военные законы или умалчиваютъ, или предоставляютъ дѣло на благоусмотрѣніе полковника (¹).

Въ имперскихъ нѣмецкихъ военныхъ артикулахъ постановлено было: чтобы жалобы солдатъ (кнехтовъ) за жестокое или неправосудное обращеніе съ ними офицеровъ разбирали ротмистры или полковники, и только въ болѣе важныхъ случаяхъ дѣло восходило къ старшему начальнику, соотвѣтствующему нынѣшнему начальнику дивизіи. Но и этого права лишены были солдаты нѣмецкой пѣхоты (²).

Вообще нѣмецкое военно-уголовное законодательство, какъ и французское въ XVII столѣтіи, до окончанія Тридцатилѣтней войны, не дало самостоятельныхъ правилъ для защиты нижнихъ чиновъ отъ жестокаго или противозаконнаго обращенія съ ними капраловъ и офицеровъ, не защищало отъ нанесенія солдату оскорбленія словомъ или дѣйствіемъ офицеромъ при обстоятельствахъ, не имѣвшихъ ничего общаго со службою. Даже коментаторы на нѣмецкіе законы, угрожая нижнему чину карою за сопротивленіе или противодѣйствіе офицеру, не призывали самихъ офицеровъ къ отвѣтственности за жестокое и неправосудное обращеніе ихъ съ подчиненными.

Односторонность нѣмецкихъ военныхъ законовъ въ преступленіяхъ противъ воинской дисциплины, какъ показываютъ многочисленные примѣры войнъ XVII столѣтія (особенно изъ Тридцатилѣтней войны), вела нерѣдко къ печальнымъ послѣдствіямъ. Мотивомъ неповиновенія своему начальнику со стороны солдатъ, даже цѣлыхъ командъ, была безнаказанность офицеровъ и самихъ начальниковъ за злоупотребленіе своею властью; мятежи и бунты въ войскахъ XVII ст. чаще всего происходили отъ присвоенія денегъ, от-

(¹) Таковы, напримѣръ: польскіе, нѣмецкіе и голландскіе артикулы XVII ст.
(²) Röm. Käys. May. Reut. Bestaltung, arb. 100.

пускаемыхъ на содержаніе солдата, отъ жестокаго и неправосуднаго обращенія офицеровъ съ рядовыми, отъ праздной жизни на службѣ, всѣ занятія которой ограничивались караульною службою и парадными кунстштюками.

Это вполнѣ доказываютъ намъ коментаторы на нѣмецкіе имперскіе военные артикулы, когда въ своихъ объясненіяхъ, для избѣжанія неповиновенія солдатъ, совѣтуютъ офицерамъ соблюдать слѣдующіе три пункта: во-первыхъ, офицеръ долженъ заботиться о соблюденіи строгой (хорошей) дисциплины; во-вторыхъ, офицеръ самъ долженъ заниматься возможно чаще экзерциціями, а не игрою въ карты (aber nicht mit Spielen), и особенно, въ третьихъ, офицеръ долженъ выдавать солдатамъ регулярно заслуженное ими жалованье такъ какъ отъ неисправной выдачи денегъ происходятъ всякаго рода преступленія въ войскахъ: воровство, кражи, смертоубійство, возмущенія и смятенія.

Болѣе практичнымъ, чѣмъ нѣмецкіе коментаторы, былъ юристъ Петръ Паппи, который, объясняя преступленіе противъ дисциплины злоупотребленіями со стороны офицеровъ, совѣтовалъ очищать армію отъ «негодныхъ нарушителей присяги на вѣрность службы Нидерландамъ; государство не даромъ же имъ платимъ жалованье». Офицеръ долженъ стараться заслужить уваженіе солдатъ, а для этого нужно умѣть умѣрять строгость своей власти (Autorität) гуманнымъ обращеніемъ (Humanität) съ ними, а «главное не оставлять ихъ праздными и выдавать исправно все, что имъ принадлежитъ (по положенію)».

Но совѣты коментаторовъ XVII вѣка оставались мертвою буквою, пока военные законодатели не перестали ходить на одной ногѣ, пока не усвоены были принципы скандинавской групы военныхъ артикуловъ, особенно далеко оставившіе за собою начала шведскаго военно-уголовнаго кодекса Густава-Адольфа—его военныхъ артикуловъ о подчиненности и повиновеніи и его постановленій о военномъ судѣ.

Устанавливая въ своей національной регулярной арміи іерархію военныхъ чиновъ, шведскій полководецъ поднялъ значеніе личности солдата. Наказывая солдата за оскорбленіе своего начальника или за неповиновеніе ему, шведскій законодатель вмѣстѣ съ тѣмъ предоставилъ ему право, въ опредѣленныхъ случаяхъ, приносить жалобу на ближайшаго начальника старшему, въ порядкѣ подчиненности, или даже военному суду. Солдатъ—такой же слуга своему государю, какъ и офицеръ, и наравнѣ съ нимъ долженъ пользо-

ваться защитою законовъ. «Каждый, офицеръ и солдатъ, долженъ прежде всего повиноваться намъ, какъ главѣ; высшіе и другіе офицеры, всѣ солдаты и каждый особо, которые состоятъ въ нашей службѣ или находятся въ арміи, должны быть вѣрны, послушны и достойны насъ должнымъ образомъ почитать, заботиться о пользѣ и благѣ нашей арміи, оберегать отъ всякаго вреда и ущерба; а если они усмотрятъ что-либо противное, позорное или низкое, то, не скрывая, обязаны немедленно донести (1)».

Такого довѣрія къ солдату мы не встрѣчаемъ ни въ одной арміи въ XVII столѣтіи.

Преступленія противъ воинской дисциплины — о чинопочитаніи, повиновеніи и сопротивленіи начальнику — въ шведскихъ артикулахъ очерчиваются точно и въ системѣ. Сопротивленіе или неповиновеніе начальнику законодатель отдѣляетъ отъ непочтительности къ нему. Оскорбленіе или обида начальника на службѣ различается отъ оскорбленія и обиды внѣ-служебной. Въ случаѣ сопротивленія своему унтеръ-офицеру или нанесенія ему удара рукою, когда преступленіе доказано, нижній чинъ въ обыкновенное время лишается пальцевъ и изгоняется изъ лагеря; когда же подобное оскорбленіе или сопротивленіе совершено будетъ имъ въ полѣ, въ виду непріятеля, или въ караулѣ, въ укрѣпленномъ лагерѣ на часахъ, то онъ наказывается смертью. Когда офицеру нанесена рана въ лагерѣ или въ полѣ, то виновный разстрѣливается; но если это преступленіе совершено въ гарнизонѣ или городѣ, при расположеніи на квартирахъ или на походѣ, то виновный предается полковому суду, который опредѣляетъ наказаніе, смотря по обстоятельствамъ дѣла: рядовые, за оскорбленіе или неправосудное обращеніе съ ними унтеръ-офицера или офицера, обращаются съ жалобою въ полковой судъ, который налагаетъ на виновныхъ наказаніе, сообразно съ обстоятельствами дѣла (nach Bewandniss der Sache). Самый полковой судъ находится подъ контролемъ органовъ юстиціи, которые въ арміи шведскаго короля пользовались такимъ значеніемъ и почетомъ, какимъ не пользовались подобные же чины въ другихъ арміяхъ. Напротивъ, въ нѣмецкихъ и французскихъ войскахъ въ XVII столѣтіи получили большое развитіе чины полиціи, власть которыхъ поглощала юстицію, имѣвшую въ войскахъ Европы еще весьма слабое развитіе и значеніе. Болѣе значительныя преступленія противъ дисциплины, равно какъ дуэли и вообще престу-

(1) Gust.-Adolf Artick. Brief, art. 14, 15.

пленія противъ личной чести офицеровъ, разбирались въ высшемъ или генеральномъ военномъ судѣ, бывшемъ подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала.

Благодаря правомѣрности въ наказаніяхъ и правосудію въ полковыхъ судахъ, при гласномъ судопроизводствѣ, Густаву-Адольфу удалось вывести изъ своей арміи тѣлесное наказаніе палками, имъ же введенное взамѣнъ суроваго наказанія прогнаніемъ сквозь строй на пики (во французскихъ и нѣмецкихъ законахъ).

Не смотря на все стараніе привить гуманныя начала шведскаго военно-уголовнаго кодекса къ военнымъ законамъ нѣмецкимъ, военнымъ юристамъ не удалось измѣнить средневѣковой режимъ, господствовавшій во всей Европѣ. Напротивъ, по смерти Густава-Адольфа, шведскіе военные законы, во второй половинѣ XVIII столѣтія, даже въ преступленіяхъ противъ воинской дисциплины наиболѣе деликатныхъ, во многомъ отклонились отъ гуманитарныхъ принциповъ Густава-Адольфа, далеко опередившаго взгляды общаго уголовнаго уложенія и, очевидно, непонятаго современниками.

Изъ протестантскихъ полководцевъ и государей XVII вѣка идеи Густава-Адольфа о военномъ правосудіи болѣе всѣхъ усвоилъ себѣ принцъ Вильгельмъ Оранскій (англійскій король Вильгельмъ III). Не имѣя возможности бороться съ жестокостью инквизиціоннаго процеса, охватившаго всю Европу, этотъ полководецъ и король достигъ въ своей арміи по крайней мѣрѣ того, что всѣ менѣе важныя преступленія, не исключая нарушенія дисциплины, въ голландской арміи предоставлены были рѣшенію полковаго дисциплинарнаго суда, или *суда за маловажныя военныя преступленія,* и этотъ судъ былъ подчиненъ власти полковника. Преступленія же болѣе важныя, общія и воинскія, разрѣшались не иначе, какъ въ судахъ гарнизонныхъ, независимыхъ отъ командной власти полковниковъ. Но и такое важное нововведеніе не скоро нашло себѣ подражателей въ Западной Европѣ. Великій курфюрстъ бранденбургскій Вильгельмъ, употребившій всѣ усилія для поднятія дисциплины въ своей арміи на высоту шведской, не могъ достигнуть самаго главнаго—устранить произволъ своихъ полковниковъ—и не могъ привить къ бранденбургскимъ военнымъ законамъ правомѣрности въ опредѣленіи наказаній. А его преемники пошли уже по стопамъ жестокихъ французскихъ военныхъ ордонансовъ Людовика XIV и свирѣпой инквизиціи.

Въ началѣ XVIII столѣтія, во всѣхъ европейскихъ монархіяхъ въ преступленіяхъ противъ воинской дисциплины, которыя

смѣшаны были съ преступленіями противъ величества, преобладали принципы устрашенія, доведеннаго до неимовѣрной жестокости. Буквальное исполненіе подобныхъ законовъ было немыслимо; не ранѣе половины XVIII столѣтія занялась заря—предвѣстница смягченія общеуголовнаго права, подъ вліяніемъ ученія, возставшаго противъ безразсудной угрозы въ законахъ смертною казнью и даже не простою (разстрѣляніе, отсѣченіе головы, повѣшеніе), а квалифицированною (четвертованіе, утопленіе въ мѣшкѣ и т. д.), на которую такъ щедры были уголовное уложеніе Карла V (1532) и законы Людовика XIV.

Петръ Великій, учреждая регулярную армію, въ первые годы Великой Сѣверной войны пробовалъ примѣнить къ русскимъ войскамъ различные военные законы и послѣ Полтавы окончательно остановился на шведскомъ кодексѣ, какъ наиболѣе соотвѣтственномъ по условіямъ устройства и быта національныхъ войскъ. Но въ его время и этотъ кодексъ утратилъ нѣсколько хорошихъ сторонъ своего первообраза, такъ какъ впиталъ въ себя отрицательныя стороны французскихъ военно-уголовныхъ законовъ. И такъ какъ первоначальная организація русской арміи дана была по плану устава Вейде 1698 года, поэтому въ русскій кодексъ вошли и многіе нѣмецкіе законы. Впрочемъ это вліяніе французскихъ, нѣмецкихъ и голландскихъ законовъ менѣе всего отразилось на преступленіяхъ противъ дисциплины, предусмотрѣнныхъ въ главѣ III Артикула Воинскаго: *о командѣ, предпочтеніи и почитаніи высшихъ и низшихъ чиновъ и о послушаніи рядовыхъ*.

На содержаніи и объясненіи текста русскихъ воинскихъ артикуловъ о нарушеніи дисциплины, чинопочитанія, подчиненности и повиновенія мы здѣсь останавливаться не будемъ (1).

Юридическія понятія о воинской дисциплинѣ величайшаго изъ полководцевъ новѣйшихъ временъ переданы въ III главѣ Артикула почти цѣликомъ, съ нѣкоторыми отступленіями отъ шведскаго военнаго артикула и дополненіями, какія вызывались очевидно подъ вліяніемъ современныхъ Петру криминалистовъ или же комментаторовъ иностранныхъ военно-уголовныхъ законовъ: голландскаго—Петра Паппія и бранденбургскаго—Эбергарда Гойера (2). Во всякомъ случаѣ понятія о чинопочитаніи и подчиненности въ артикулахъ и толкованіяхъ главы III Арт. Воин. развиты полнѣе, чѣмъ соотвѣтствен-

(1) Объ этомъ читатель найдетъ въ нашемъ историко-юридическомъ изслѣдованіи объ артикулѣ воинскомъ: Вып. I. Спб., 1882 г., стр. 190-я—234-я.

(2) Тамъ же, стр. 236-я.

ная ей глава шведскаго кодекса въ обновленной редакціи Карла XI (1683 г.). Такой полной, относительно, законченности о преступленіяхъ противъ дисциплины мы не встрѣчаемъ ни въ одномъ памятникѣ военно-уголовныхъ законовъ западно-европейскихъ государствъ, современныхъ Петру. Мѣра наказаній въ нашемъ Артикулѣ нимало не преувеличена,—напротивъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказаніе смягчается. Шпицрутены (введенные у насъ по военному уложенію 1702 г.) считались жестокимъ тѣлеснымъ наказаніемъ (взамѣнъ изувѣчивающаго отрубанія кисти), а потому нашъ законодатель не опредѣляетъ числа ударовъ, доходящаго въ иныхъ кодексахъ до трехъ тысячъ палокъ.

«Верховный вождь русской арміи есть самодержавный монархъ, который яко христіанскій Государь, по своей волѣ и благомнѣнію, управляетъ. Вездѣ, гдѣ Его Царское Величество своею высокою особою присутствуетъ, у всѣхъ начальниковъ власть и сила отнята есть, кромѣ тѣхъ, которымъ отъ Его Величества, что управлять повелѣно будетъ (арт. 18, 20 и толкованіе). И яко же о Его Величествѣ самомъ въ ономъ (20) артикулѣ помянуто, разумѣется тако и о Его Величества Царской Супругѣ, и его Государства наслѣдіи».

Эти законы предусматриваютъ собственно государственныя преступленія. Crimen Saesae Majestatis, относятся ко всѣмъ подданнымъ безъ различія состояній и служатъ дополненіемъ и поясненіемъ главы II Уложенія 1649 г. «о государевой чести, и какъ его государское здоровье оберегать». Слѣдовательно первые три артикула главы III имѣютъ обще-уголовный характеръ и не относятся къ преступленіямъ противъ дисциплины. Особа Государя стоитъ внѣ всякой іерархіи въ государствѣ.

Во главѣ военной іерархіи по Уставу Воинскому стоитъ фельдмаршалъ. Офицеры и солдаты обязаны послушаніемъ и должнымъ почтеніемъ фельдмаршалу и командующимъ подъ нимъ генераламъ: «почтеніе генеральству всеконечно и весьма имѣетъ ненарушимо быть» (артикулъ 21, 22, 24 и толкованіе). За неуваженіе (выраженное насмѣшкою) къ фельдмаршалу, или генераламъ, виновные наказываются «по важности своихъ словъ и состоянію особы» — публичнымъ извиненіемъ въ судѣ, или заключеніемъ, или другимъ наказаніемъ, по усмотрѣнію военнаго суда (арт. 21). За обиду фельдмаршала, или генерала, браннымъ словомъ (или произнесеніе предосудительныхъ словъ, которыя касаются ихъ чести), публично въ собраніи — опредѣлено наказаніе тѣлесное или лишеніе живота (арт. 22). За оскорбленіе фельдмаршала, или генерала, дѣй-

ствіемъ (вооруженною или невооруженною рукою), или злонамѣренное ему сопротивленіе (въ сердцахъ), виновный лишается живота отсѣченіемъ головы (арт. 24).

Поднятіе оружія противъ начальника вообще, въ сердцахъ, во всѣхъ случаяхъ подвергаетъ виновнаго лишенію живота. Обнаженіе оружія, или поднятіе оружія съ дурнымъ намѣреніемъ («чтобы уязвать») въ строю, въ бою, въ судѣ, при отправленіи божественной службы и въ караулѣ, хотя бы не было учинено вреда, облагается смертною казнью (аркибузированіемъ, т. е. разстрѣляніемъ).

Офицеру, или солдату, оскорбленному или обиженному своимъ начальникомъ, законодатель предоставляетъ право приносить жалобу о понесенномъ безчестіи, или несправедливости, Его Величеству, или въ иномъ пристойномъ мѣстѣ (1).

Развитіемъ артикуловъ о почитаніи высшихъ начальниковъ служатъ артикулы о почитаніи штабъ и оберъ-офицеровъ, а равно судей и чиновъ разныхъ спеціальныхъ отраслей службы въ военномъ вѣдомствѣ (артикулы 25 и 33). Къ офицерамъ за оскорбленіе нижнихъ чиновъ примѣняются постановленія о генералахъ.

За нанесеніе удара унтеръ-офицеру вообще (сержанту, капралу, каптенармусу), или за сопротивленіе ему на службѣ—въ строю, въ походѣ или лагерѣ (въ виду непріятеля)—рядовой наказывается лишеніемъ живота, а если подобное сопротивленіе, или оскорбленіе, оказано будетъ при иныхъ обстоятельствахъ, то рядовой наказывается шпицрутенами (арт. 26).

Офицеръ за нанесеніе побоевъ или раны состоящему подъ его командою солдату, «безъ важныхъ и пристойныхъ причинъ, которыя службы Его Величеству не касаются», наказывается по опредѣленію воинскаго суда, а въ случаѣ частаго злоупотребленія своею властью—лишается чина: «ибо онъ тотъ чинъ всуе употребилъ».

Вообще нашъ законодатель, слѣдуя шведскому, старается установить возможно правильныя отношенія между рядовыми, унтеръ-офицерами и офицерами не только на службѣ, но и внѣ службы, и принимаетъ мѣры противъ самоуправства. Въ этомъ смыслѣ дополненіемъ къ постановленіямъ о нарушеніи воинской дисциплины слу-

---

(1) Порядокъ принесенія жалобъ драгунами и солдатами опредѣленъ въ особой Инструкціи: «который офицеръ драгуну или солдату иной роты какую обиду или налогу учинитъ и тому бить челомъ о томъ капитану своей роты, чтобъ онъ за него объ его обидѣ донесъ полковнику, а мимо капитана отнюдь полковнику не бить челомъ. А буде капитанъ о томъ полковнику не донесетъ, тогда можно и полковнику бить челомъ на своего офицера, что онъ о обидѣ его не донесъ полковнику».

житъ патентъ о поединкахъ и начинаніи ссоръ (гл. XLIX Уст. Воин., а равно главы XVII и XVIII), или собственно преступленія противъ личной чести, гдѣ разсматриваются взаимныя столкновенія между военно-служащими внѣ-служебныя: ссоры, побои, драки, поединки, клевета, пасквиль и т. п. И здѣсь нашъ законодатель предостерегаетъ отъ самоуправства и указываетъ обиженному легальный путь для удовлетворенія нанесеннаго ему оскорбленія,—это принесеніе жалобы или челобитья (арт. 147 и 148).

Законы Петра о преступленіяхъ противъ личной чести по своему спеціальному характеру требуютъ особаго разсмотрѣнія ([1]). Упомянуть же объ нихъ умѣстно здѣсь потому, что въ нихъ нашъ законадатель намѣтилъ рядъ новыхъ юридическихъ нормъ, съ которыми не были знакомы прежніе русскіе законы. Онъ требуетъ, чтобы всѣ вообще военно-служащіе, всѣ лица, составляющія войско, жили между собою въ добромъ согласіи, мирѣ и «неразорванной любви», почитали другъ друга и оказывали бы должное уваженіе (респектъ) каждому по его званію или чину (рангу). Обиженный имѣетъ право во всякое время искать удовлетворенія въ военномъ судѣ, которому повелѣвается чинить удовлетвореніе каждому—хотя офицеру, драгуну, солдату и кто бы ни былъ въ войскахъ—по свойству причиненной ему обиды.

Начальникъ повелѣваетъ, а подчиненный обязанъ быть послушнымъ; изъ такого основнаго понятія о воинской дисциплинѣ въ артикулахъ отъ 27 до 30 опредѣляются наказанія за неисполненіе офицерами и солдатами своихъ обязанностей по долгу службы, отдаваемыхъ приказаній и указовъ. Подчиненный не долженъ критиковать указовъ, данныхъ начальникомъ. «Кто противъ того учинитъ, а особливо тогда, когда съ непріятелемъ въ бой вступятъ или иная тому подобная учинится потреба, *то онаго, по окончаніи того дѣла, за непристойное его дерзновеніе, лишеніемъ чести наказать*» ([2]).

Нашъ законодатель считалъ необходимымъ выяснить дурныя послѣдствія отъ суетнаго и тщеславнаго, или неосторожнаго отношенія подчиненныхъ къ распоряженіямъ начальника, особенно въ военное время, когда критика исходящихъ отъ начальника распоряженій (въ формѣ предписанія, указа, диспозиціи) можетъ поколебать нравственный духъ солдата. Въ толкованіи своемъ Петръ I

([1]) Изслѣдованію объ этихъ преступленіяхъ мы посвящаемъ особый трудъ: «Преступленія противъ чести по русскимъ законамъ до начала XVIII вѣка». Спб., 1889 года.

([2]) Напечатанное курсивомъ написано рукою самого Петра I.

какъ бы намекаетъ, что подчиненный не долженъ разсуждать, когда начальникъ приказалъ дѣйствовать (или что либо исполнить), такъ какъ на него падаетъ и вся отвѣтственность за сдѣланное имъ распоряженіе.

Въ исключительныхъ обстоятельствахъ, когда указъ, данный высшимъ начальникомъ, по мнѣнію подчиненнаго, можетъ повредить интересамъ службы Его Величества, или грозитъ какимъ либо несчастіемъ, или вредомъ, тогда онъ долженъ сіе честно своему командиру донесть, или, когда онъ имѣетъ время, мнѣніе свое фельдмаршалу, или генералу своему, съ покорностью объявить». Но если его мнѣніе будетъ отвергнуто, то онъ обязанъ исполнить то, что ему повелѣно.

Когда, при исполненіи обязанностей службы, офицеръ отдаетъ приказаніе другому офицеру, который его чиномъ меньше, то послѣдній обязанъ исполнить, хотя бы принадлежалъ къ другой командѣ.

Наконецъ, нашъ законодатель въ указахъ или приказахъ, отдаваемыхъ по войскамъ, воспрещаетъ употреблять угрозы, поносныя и чести касающіяся слова, подъ опасеніемъ отставленія отъ чина (отъ должности) «весьма или на нѣсколько времени». Петръ I желаетъ предостеречь начальниковъ, чтобъ они въ указахъ, имѣющихъ публичное значеніе, воздерживались отъ неприличныхъ и обидныхъ выраженій. Такое предостереженіе тѣмъ болѣе было умѣстнымъ, что русскіе люди той эпохи не стѣснялись въ обычномъ быту употреблять выраженія поносныя и касающіяся чести своего ближняго и своего подчиненнаго.

Въ артикулахъ главы III встрѣчаются неясности и недомолвки, такъ что безъ помощи источниковъ нельзя иногда понять, при какихъ обстоятельствахъ подлежитъ виновный наказанію за совершенное имъ преступленіе противъ дисциплины. Несомнѣнно однако, что Петръ различаетъ воинскія преступленія, совершенныя при исполненіи обязанности или въ военное время, отъ такихъ же преступленій, совершаемыхъ не на службѣ, не при исполненіи своихъ обязанностей и не въ военное время. Артикулъ, въ соединеніи съ патентомъ о поединкахъ, намѣтилъ твердо различіе между обидою и оскорбленіемъ служебнымъ, т. е. нарушеніемъ одного изъ принциповъ воинской дисциплины, отъ обиды и оскорбленія частнаго, т. е. посягательства на личныя права каждаго воина, какъ частнаго лица.

Отбрасывая степень наказаній за нарушеніе воинской дисциплины, по мѣрѣ вины, при различныхъ обстоятельствахъ мирнаго и военнаго времени, мы находимъ, что большая часть статей главы III Артикула Воинскаго входитъ въ главу I дѣйствующаго Воин-

скаго Устава о наказаніяхъ ([1]), таковы: неоказаніе начальнику должнаго уваженія, неприличное съ нимъ обращеніе, оскорбленіе начальника на словахъ или неприличнымъ дѣйствіемъ, нанесеніе начальнику удара, поднятіе на него оружія, неисполненіе приказаній начальника по нерадѣнію или невнимательности, сопротивленіе исполненію приказовъ, ропотъ противъ распоряженія начальника. Нужно помнить, что Артикулъ составленъ въ разгаръ Сѣверной войны, а въ такое время мѣра наказаній противъ нарушенія воинской дисциплины, по обыкновенію, достигаетъ самаго высокаго напряженія.

Усвоеніе принциповъ чинопочитанія, подчиненности, повиновенія есть первая и послѣдняя наука для всякаго солдата и офицера; сколько военное воспитаніе заботится о привитіи и укрѣпленіи этихъ основныхъ началъ воинской дисциплины, столько же военно-уголовный законъ долженъ стремиться къ охраненію ненарушимости этихъ же самыхъ началъ въ арміи, и не только въ военное время, но всегда, вездѣ—въ военномъ быту, который именно только исключительными свойствами *воинской дисциплины* столь рѣзко и категорично отличается отъ быта общегражданскаго. Въ военномъ быту могутъ быть только «начальники» и «подчиненные», — съ подраздѣленіями ихъ на извѣстныя групы, а обязанностей ихъ на извѣстныя категоріи, — какъ звенья одной непрерывной цѣпи, какъ частицы одного живаго организма.

Петръ Великій стремился утвердить въ русскомъ войскѣ дисциплину на должномъ почитаніи подчиненными своего начальника: «надлежитъ каждому своего начальника должнымъ образомъ почитать, и отъ подчиненнаго свое возъимѣть оное почтеніе *(арт. 25)*. Подчиненный обязанъ безпрекословно исполнить приказаніе начальника, ибо начальнику принадлежитъ повелѣвать, а подчиненному послушнымъ быть» *(толк. на арт. 29)*.

Преобразователь государственной администраціи и учредитель регулярной арміи въ Россіи думалъ посредствомъ войска перевоспитать русскій народъ; въ какой степени достигнута эта задача, объясняютъ событія Отечественной исторіи. Несомнѣнно однако, что военные законы Петра о воинской дисциплинѣ подняли нравственный духъ русскаго солдата и благотворно воздѣйствовали на привитіе къ нему основнаго принципа воинской дисциплины—*послушанія* своему офицеру и своему начальнику.

([1]) Сравни артикулъ: 21, 24, 25, 26, 28, 27 и 29 и статьи В. У. о наказ.: 97 98, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107 и 108.